

ДОЛЬМЕН, КНИГА ВТОРАЯ

ПЛАТО ЯГЕЛЯ

МАМАЕВ САЙФУЛЛА

Сайфулла Мамаев

**Плато Ягеля. Дольмен
книга вторая.**

«Автор»

2026

Мамаев С. А.

Плато Ягеля. Дольмен книга вторая. / С. А. Мамаев — «Автор», 2026

Для инженера столичного НИИ «Заслон» Матвея Малькова сочинская экспедиция превратилась в безостановочный кошмар под землёй. Древняя пещера под плато Ягеля стала братской могилой для наёмников МОАЗ, мутантов и тех, кто опрометчиво возомнил себя «высшей расой». Матвей смертельно ранен, его силы на исходе, а портативный радар «Москит» упрямо фиксирует впереди аномальную живую сигнатуру. Там, в самом сердце подземелья, скрывается дольмен — гигантская полигональная усыпальница, охраняемая невидимыми убийцами. Все, кто рвался сюда ради лекарства или власти, получили лишь смерть. Но у Матвея нет выбора — он должен сделать шаг во тьму, навстречу тому, что веками ждало своего оператора.

© Мамаев С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сайфулла Мамаев

Плато Ягеля. Дольмен книга вторая.

Иногда кажется, что Земля помнит. И не просто помнит — она наблюдает.

Из-под камней, через ветви и пыль веков — смотрит.

Что она видит?

Кто она — свидетель, хранитель, судья?

Или всего лишь чья-то клетка?

Глава 1

Грубый толчок в плечо вогнал его в реальность, как сигнал тревоги.

— Гражданин, здесь нельзя спать!

Он заставил глаза сфокусироваться. Над ним — невысокий чернявый сержант и его светловолосый напарник с веснушчатым лицом и широкой лычкой поперек погона.

У обоих через плечо — укороченные АКС— 74У, пальцы лежат на цевье, в сантиметре от спусковых скоб.

Матвей потряс головой, пытаясь стряхнуть оцепенение. Парк. Лавочка. Вороны. Кричат, как чайки над рыбой.

И снова мундиры. Надоели, устал от них... Кажется, он только с ними и общался последние дни.

— Гражданин, предъявите документы! — потребовал чернявый. Его напарник перехватил автомат, направив ствол в лицо Малькова.

— Эй, убери оружие, я не преступник! — Матвей рванулся было повернуться, но тело пронзила боль. — Эпическая сила...

Присказка Костика сработала как триггер, отбрасывающий его туда, назад, в тот кошмар, который так хотелось забыть! Но мозг отказывался подчиняться, в памяти вновь замелькали события вчерашнего дня: *взрывающийся заправщик, перекошенные рожи, летящие камни, окровавленные пасти. И лицо сержанта Жукова с разорванной грудью... и сердцем в когтистой лапе мутанта.*

— Документы! — шелкнул предохранителем сержант. — От него порохом несет! Толя, вызывай машину! Глянь на него — весь в крови!

Матвей машинально полез в карман и замер. Взгляд скользнул по джинсам.

Твою мать... Кровь. Вся одежда, руки... Засохшие, бурые пятна. И кроссовка нет.

Он впервые осознал, как должен выглядеть со стороны.

— Откуда кровь? — сержант не отводил ствол. — Документы показывай!

Матвей снова потянулся к карману.

— Стоять! Не двигаться! Руки поднял! Так чтобы я видел! — Второй полицейский тоже направил на него ствол.

— Сам же говоришь, паспорт предъяви! — еле сдерживаясь ответил Мальков. — Как я его достану, если не даешь!

— толя, что с машиной? — голова сержанта дернулась в сторону напарника, но тут же вернулась назад.

— Едет, через три минуты будут.

— Отлично! — кивнул сержант. — Посмотри, что у него в карманах. Только аккуратнее, тип опасный.

— Я опасный? — изумился Мальков. — Да я...

— Заткнись! — Младший сержант, не опуская автомата, ощупал карманы. — Врет. Ничего нет.

— Как я и думал. Фамилия, имя, где проживаете?

— Мальков Матвей, из Москвы. В командировке.

— Почему в крови?

— Долгая история. Дело государственной важности. Доложу только зам главы администрации Шестакову. Он в больнице. Это я его и доставил. Вместе с телохранителями и омоновцами.

— А в парке вы как оказались?

— Как привез Шестакова меня выставили на улицу. Не спал несколько дней, голова закружилась от запахов. Вышел подышать... потом черная дыра, ничего не помню. Наверное, забрел сюда и отрубился.

— Так где документы?

— Сейчас у меня их нет, они в винерском отделе внутренних дел остались. Запросите у них. Мне вчера их не отдали, пообещали, что вернут, как мы вернемся, но оно видишь, как вышло.

— А как вышло?

Сержант бросил быстрый взгляд на напарника. Тот кивнул, украдкой показав один палец.

— Не могу сказать. Все ответы там, — Матвей кивнул на высящееся здание городской клинической больницы.

В это время на аллею, распугивая редких прохожих, влетела бело—голубая полицейская машина с воем сирены.

Разгоняя прохожих проблесковым маячком и сиреной, на аллею выручил патрульный автомобиль,

— Медленно встать, руки за спину! — рявкнул сержант, чувствуя прибывшую поддержку.

Вот ты храбрый какой. Тебя бы туда, на плато, посмотрел бы на твою храбрость, — вяло мелькнуло в усталом сознании Малькова. — Что вы все такие... одинаковые?

Пока Мальков соображал, что происходит, на запястьях с холодным щелчком сомкнулись стальные браслеты.

— Поедем в отдел, разберемся.

Твою мать! Сколько можно! Ведь только вырвался и вот опять полиция! И опять он не с той стороны баррикады.

* * *

— Мальков? Поднимайся, за тобой приехали. В камеру временно задержанных вошел высокий сутулый прапорщик — смуглый, с тусклыми глазами и погонами, выцветшими до серости.

— Кто приехал? — продираясь сквозь навалившуюся дремоту, поинтересовался Матвей. — Вроде никого не вызывал.

Не дождавшись ответа, медленно поднялся. Все тело ломило -то ли от ночи на холодном полу, то ли от вчерашних перегрузок. Мышцы отзывались на каждое движение тупой болью. В довершение всего, голова раскалывалась! Спать хотелось зверски.

— Лицом к стене! — приказал прапорщик и усмехнулся. — Пипец тебе, парень, ФСБ за тобой приехала.

— Мне теперь бояться? — с горечью буркнул Мальков. — Все мои страхи остались там, в ваших горах.

Но, вспомнив, как побледнели полицейские, узнавшие от коллег из соседнего района, что после встречи со «странным москвичом» в их отделе осталось меньше половины личного состава, не удержался:

— Это не мне, тебе бояться надо! Слыхал, что на Ведьминой горе случилось? Вот возьму — и скажу начальству: отправьте прапорщика-вертухая болтливого со мной на плато. Посмотрим тогда, кто пугаться будет.

Прапорщик сначала не понял, но, когда до него дошло, резко побледнел и инстинктивно отступил к двери. Слухи о бойне, обрастая жуткими подробностями, уже разнеслись по всему побережью.

— Выходите, задержанный! — приказал прапорщик, открыв камеру, но не входя в нее. Теперь он явно опасался подходить к окровавленному москвичу. Уж слишком странные вещи винерские коллеги об этом парне рассказали.

Его провели через два коридора и один поворот в приемную начальника райотдела. Увидев входящих, немолодая, но старающаяся поддерживать форму секретарша кивком показала на дверь шефа.

Прапорщик постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь, втолкнув Малькова.

В первые мгновения Матвею показалось, что он вновь очутился в Винерске и его доставили под грозные очи подполковника Волкова. Такой же Президент в масле на стене, такой же зал с Т-образными столами. Но нет, присмотревшись чуть дольше, Мальков понял, что здесь все немного больше. И сам кабинет, и столы, а главное, портрет Президента. Этот был раза в полтора больше.

Подполковник Олег Дмитриевич Сумороков — немолодой, грузный мужчина с мрачным лицом — был не один, и против своего обыкновения принимал задержанного не в своем любимом кресле, а сидя за журнальным столом, что стоял у противоположной стены.

Сотрудник ФСБ был эталонным — короткая стрижка, выбритое бесстрастное лицо, дорогой, но неброский казуальный костюм. Но больше всего Матвея впечатлили его глаза — маленькие, темные, посаженные так близко, что взгляд казался сверлящим.

Теперь еще и этот расспрашивать будет! Как же вы все надоели. Как было бы хорошо, если бы все это оказалось сном! Самым жутким кошмаром, приснившимся в самолете. А после забыть его. Проснуться и забыть. Забыть Ведьмину гору, гибель коллег, очумевшего мэра, сожженных заживо людей.

Вот как им объяснить, что там было? Да расскажи ему кто-нибудь похожую историю, сам бы не поверил. Решил бы под градусами товарищ. Но что делать с кровью на одежде? Не только своей, но чужой? С испуганными глазами полицейских? Вот даже эти, что сидят не верят, но боятся! Вдруг этот москвич набросится и растерзает? Ведь почти целое отделение полиции уничтожено, а объяснений у них нет. Они ждут объяснений от него, от Матвея! Не верят ему, но ждут. Идиоты!

И что бесит, так это тотальное непонимание. Ведь расскажи и никто не поверит, что именно так все и было! Ни один нормальный человек не поверит. Порой и самому не верится, что так и было. Может действительно свихнулся? Стали галлюки в голове гонять? Но тогда откуда кровь на одежде? Испуг в глазах полицейских?

Нет, — резко одернул он себя. — Так дело не пойдет. Иначе точно в дурку упекут. Сейчас не время копаться в себе. Нужно думать, что говорить. Как отвечать на вопросы, не касаясь того, что запретил Шестаков. Благо уже поднаторел в искусстве полуправды. Будто на чемпионат по словесному фехтованию попал.

Набычившись, Матвей тяжело посмотрел на фээсбэшника.

— Задержанный Мальков доставлен! — Доложил прапорщик, прерывая самокопания Матвея.

— Ну что вы, какого задержанного, о чем вы? Хорошо хоть не забыли указания не применять к нашему московскому гостю наручники! И на том спасибо! — снисходительно глянув на конвоира, произнес представитель ФСБ. — Матвей Сергеевич у нас герой, за него сам Шестаков хлопочет! Говорит, жизнь ему и его телохранителям спас, можно сказать, из-под пуль вывез! Отпустите прапорщика.

Последние слова адресовались начальнику райотдела, но тот не сразу это понял и только после короткой паузы сообразил, что от него требуется.

— Свободен, — отмахнулся Олег Дмитриевич от подчиненного.

Прапорщик вышел, а фээсбэшник, легко поднявшись, подошел к Малькову.

— Сенцов Павел Петрович, — представился он.

— Ух ты, — непроизвольно вырвалось у Малькова, — совсем как у майора Лабунца!

— Да, есть такое, — уголки губ фээсбэшника дрогнули. — Мы с заместителем Ильи Семеновича полные тезки. Кстати, не просветите, что с моим тезкой и где он.

Мальков покачал головой.

— Он там... на плато остался. Погиб ваш тезка. Его в самом конце убило. Об этом моменте вы лучше у телохранителей Владимира Павловича спросите, мне кажется, они больше видели. Получилось так, что я отстал от группы, а когда догнал, Павла Петровича уже не стало, — заслоновец виновато развел руки. — Ребята рассказали, он раненых выносил, когда это случилось. Вот Шестакову уже при мне прилетело...

— Стоп! — Сенцов, призывая москвича остановиться, поднял руки. — Олег Дмитриевич, извини, ты помнишь, о чем мы договаривались. Прости, это указание с самого верха!

— Нет-нет, все в порядке, — Сумороков всплеснул обеими руками. — Ради бога, мне своих проблем хватает, зачем мне ваши.

— Благодарю за понимание. — Кивнул фээсбэшник, поворачиваясь к заслоновцу. — Матвей Сергеевич, для общего понимания должен сообщить вам, что дело по всему произошедшему на плато Ягеля получило высшую форму секретности, но при этом мы не можем оставить Олега Дмитриевича совсем без ответов. Надеюсь на ваше понимание и прошу отнестись ко вопросам товарища подполковника со всей ответственностью. Отвечайте кратко и только по существу вопроса. Вопрос — ответ. Без комментариев. Лучше всего «да» или «нет». Вам понятно?

Мальков удивленно посмотрел в глаза Сенцова. Услышанное оказалось совсем не тем, что заслоновец ожидал. Вот как, секретность! Да еще высшая форма? Впрочем, да, все правильно, Шестаков же говорил, что так и будет.

— Да, не вопрос, надеюсь, вы мне поможете, если сойду на скользкую тему.

— Признателен за понимание, — фээсбэшник повернулся к начальнику РОВД, — Олег Дмитриевич, дорогой, Владимир Павлович ждет нас с Мальковым к четырнадцати. Сейчас тринадцать тридцать. У тебя десять минут, задавай свои вопросы, но не обессудь, если коснется запретного — я вмешаюсь. Согласен?

Матвей едва удержался, чтобы не свистнуть — нехило он поспал, уже половина второго! А он-то думал, что еще утро, то-то же так желудок сводит!

— Кто это все сделал? — Мрачно начал Сумороков. — Кто на вас напал? С кем вы дрались?

— Вы их называете потеряшками, — быстро, как просил Сенцов, ответил Мальков. — Бомжи, психи, называйте их как хотите, но это были те бродяги, что во множестве толпятся на наших улицах.

— Что?! — Начальник РОВД откинулся на спинку кресла, лицо его скривилось в возмущенном недоверии. — Вы так... шутите?

— Олег Дмитриевич, остановись! — Сенцов поднял руку вверх. — Информация подтверждается. Пока не распространяйся, а то сочинские энтузиасты начнут изображать мстителей и гонять всех бомжей города, но да, Владимир Павлович утверждает то же самое.

— Шестаков? — Сумороков ошеломлено посмотрел на фээсбэшника. — Вы это серьезно?

— Олег Дмитриевич, — Сенцов постучал пальцем по запястью с часами. — У тебя еще семь минут, удивляться потом будешь.

— Хорошо. Мальков, ночью вы сообщили, что на плато все погибли. Вы в этом уверены? Вы можете твердо утверждать, что это так и никто больше не спасся?

Заслоновец ответил не сразу: конечно, он не всех видел погибшими. Но он точно знал, те, кто остались на плато — мертвы.

— Матвей Сергеевич, вас никто ни в чем не упрекает; наоборот, вы будете представлены к награде за героизм и спасение тех, кого удалось вывезти, — Сенцов по-своему истолковал замешательство заслоновца. — Олег Дмитриевич ничего такого не хотел сказать. Он хочет узнать, вдруг еще кто-нибудь там спасся? Вдруг там еще раненые остались, и им сейчас нужна помощь? Ваш ответ поможет найти таких людей. Сейчас весь город только и говорит о случившейся трагедии, и все хотят помочь. Кто чем может.

— Уверен, — ответил заслоновец. — Там живых точно нет. Разве если только до нас успели оттуда убежать. Да нет, не было такого, все в бою были. Единственно, кого я не видел, это водитель автобуса омовцев, но не думаю, что он бросил товарищей и убежал еще до начала боя. Когда все началось уйти стало невозможно. А, нет-нет, вспомнил: он тоже дрался. Правда, скорее всего, недолго — помню его только в начале схватки. А потом все, нас отсекли от всех спусков. Можно, конечно, было уйти на вертолете, но потом и его сбили...

— Сбили вертолет? — Опешил Сумороков. — Вы ничего не путаете? Вы же говорите, что бились с потеряшками! С сумасшедшими! Как такое может быть?

— Олег Дмитриевич, — начал было фээсбэшник, но Мальков перебил его.

— В этом нет ничего секретного; наоборот, пока мы не выяснили причину произошедшего, то, что я скажу, поможет полиции быть лучше подготовленной к возможным повторениям ситуации. Только не перебивайте, а то я не успею. — Матвей посмотрел на Сенцова. — Я знаю, что говорю, но полиция должна знать тактику озверевших бродяг!

Неодобрительно нахмурившись, фээсбэшник кивнул.

— Мы не сразу их заметили. В это время мы с Владимиром Павловичем и Павлом Петровичем осматривали палатку моазовцев. И тут прибежал прапорщик Симаков с сообщением: на плато собирается толпа. Но главное — они были кем-то управляемы... Омовцы в какой-то момент подумали, что это мои пропавшие коллеги...

— Матвей Сергеевич! — Сенцов предупреждая поднял палец.

— Да-да, понимаю. Короче, это были потеряшки. Их было много, очень много. Но самое важное, их кто-то контролировал! Понимаете? Они были под внешним управлением. Как солдаты в бою.

— Что?! — Подполковник Сумороков резко обернулся, но фээсбэшник взмахом руки остановил его.

— Стоп, закрытая информация!

— Но...

— Дальше, — предложил Павел Петрович Матвею. — только короче. И быстрее. Пожалуйста.

— Прибывшие выстроились в несколько шеренг. — Мальков несколько раз провел ладонью перед собой, тем самым обозначая ряды нападавших. — На мой взгляд их было около десяти...

— Десяти? — Не выдержал Сенцов. — Десяти шеренг, я правильно вас понимаю?

Заслоновец молча кивнул.

— Это сколько же всего там людей было? — Не выдержал начальник райотдела.

— Много, я же говорил. Создавалось впечатление, что бомжи со всего края собрались. Я думаю, тысячи две точно пришли. Может больше, никто не считал, не до этого было. Исхожу из расчета — в шеренге их было приблизительно человек сто, может сто пятьдесят. Это только те, что встали в строй, были и другие. Если допустить, что шеренг было десять, то получите полторы-две тысячи.

— Убедили. Излагайте дальше! — Потребовал Сумороков.

— Мы тоже выстроились, Владимир Павлович хотел... — Матвей думал рассказать об интересе Шестакова к «фестивалю», но вовремя спохватился. — Он сказал, что нам во что бы то ни стало необходимо сохранить имущество МОАЗ. Мы и так облажались с гибелью их

сотрудников, чтобы страну не обвинили в сокрытии улик, нужно было не допустить еще и уничтожение лагеря.

— Правильно, — кивнул Сенцов. — Грамотное решение.

— Но при этом он запретил Симакову применять оружие по толпе! — выпалил Мальков.

— И это тоже правильно, — согласился Сумороков. — Стрельбу по мирным гражданам ничто не оправдает. Запад потом нам все мозги вынесет.

— Матвей Сергеевич, время! — фээсбэшник поднялся. — Олег Дмитриевич, извини, нам нужно ехать.

— Да-да, конечно. Только один вопрос: почему они, если так организованы, не бросились на вас скопом? Не смяли сразу, а вели какую-то невероятно сложную тактическую игру? — Олег Дмитриевич посмотрел в глаза заслоновца. — Ведь так же им проще было?

— Согласен, этот вопрос и меня мучит. — признался Мальков. — У меня одно объяснение — они боялись. За день до этого нападения, они уже приходили на плато, но тогда их сильно напугали моазовцы. Они их так шуганули...

— Стоп! — Павел Петрович развел руки и встал между Мальковым и Сумороковым. — Стоп! Олег Дмитриевич, последних слов ты не слышал! Я достаточно ясно выразился? Не обижайся, но если что...

Не договорив, Сенцов хмуро покачал головой.

— Все понимаю. — Сумороков, давая понять, что закончил, тоже встал. — Сейчас к Илье в Винерск поеду, нужно соседа поддержать. Поговорим, может я ему из своего кадрового резерва кое-кого на время откомандирую.

Глава 2

Палата больше походила на люкс-номер в отеле, напичканный медицинской техникой. Широкая кровать, стойки с мигающими приборами, огромный телевизор и даже планшет для управления «умным домом» на шарнирном подвесе.

В нос ударил сладковатый запах фруктов из хрустальной вазы на столе.

— О, наш герой прибыл! — воскликнул Шестаков, едва увидел входящего Матвея и сопровождающего его Сенцова. — Да еще с такой охраной!

— Владимир Павлович, зачем вы так, какая охрана? — изобразил смущение Павел Петрович. — Просто подвез по пути, а затем, пользуясь случаем, вас зашел проведать.

Шестаков криво усмехнулся.

— Знаю я вашу заботу. А сам, наверное, в кармане диктофон держишь. Ладно-ладно, не будем вашу специфику обсуждать — знаю, что государево дело делаете. А еще отдельная благодарность, что спасителя моего привез! Прихожу в себя, спрашиваю: где парень, москвич, что меня спас? А все только плечами пожимают. Никто ничего не знает. Звоню своим — сообщают: вместо награды парня в ваших казематах держат! Век бы такой заботы не видеть!

— Владимир Павлович...

— Что Владимир Павлович, я уже пятьдесят пять лет, Владимир Павлович, но такого скотского отношения к человеку не видел! За что, спрашивается, в камеру засунули? Ну, спал человек на лавочке, что с того? Обязательно в камеру определять надо? Места попрличнее не нашлось? — Брови главного безопасника края нависли над колючими карими глазами. — Ладно, Паша, прости, знаю, твоей вины здесь нет, но бесит нежелание силовиков мозги включать! А тебе спасибо, что привез Матвея, но сейчас ступай, мне с ним поговорить нужно! Или он все еще под арестом у вас? — Брови Шестакова вновь поползли к переносице.

— Да нет, Владимир Павлович, какой арест? — подполковник, распрямляясь, повернул голову в сторону Матвея. — И в мыслях не было!

— Иди, Павел Петрович, иди. — Шестаков, устало махнув рукой, перебил Сенцова. — Сил сейчас нет. Как приду в себя, я еще продолжу этот разговор. — Шестаков хмуро провёл взглядом выходящего фээсбэшника, затем повернулся к заслоновцу, молчавшему все это время. — А ты, герой, подсаживайся ближе.

— Владимир Павлович, никакой я не герой, и мужества никакого не проявлял, просто хотел поскорее уехать оттуда.

— А людей кто спас, святой дух?

— Я же говорю, я только хотел скорее уехать оттуда, вот и все. А ребят подбирал... ну не оставлять же их там на растерзание. Вот по пути прихватил. — Мальков почувствовал, что желание уйти с деликатной темы заводит его в еще более неловкую ситуацию.

— Да ты сядешь или стоять так будешь?

Матвей послушно перенес стул, сел.

— Владимир Павлович, ну давайте закроем этот вопрос, — почувствовав, что переборщил, добавил: — Извините. Но не герой я. Знаете, как я там перепугался? Был момент вообще в столб превратился! Нужно действовать, а я пальцем пошевелить не могу. Ребята стреляют, а я стою...

Не договорив, Матвей, вздохнув, сокрушенно махнул рукой.

Шестаков, глядя на заслоновца, улыбнулся.

— Скромник, значит? — Одобрительно констатировал глава СБ. — Одобряю, так и держись, заслуженное само тебя найдет. Мы, те, кого ты спас, этого не забудем. Все, кто там был и выжил благодаря тебе, помнят, что произошло.

Он помолчал, дав словам осесть.

А может, тоже вспомнил вчерашний ужас. Матвея эти воспоминания не оставляли.

— Надеюсь, ты мою просьбу помнишь? — Шестаков резко посерьезнел. — Про то, что там было, никому не говорил?

— Про этих... существ? — На всякий случай уточнил Мальков. — Нет, не говорил. Только про потеряшек и их тактику.

— Вот это правильно! — Шестаков облегченно вздохнул. — Умница, правильно, что послушал меня. Нельзя так говорить, но хорошо, что там все сгорело, а то я бы и не знал, под каким соусом закрыть туда доступ. Ты вообще в курсе, что там все сгорело, от машин только остовы остались. Нет?

Мальков отрицательно замотал головой.

— Сгорело! — Шестаков резко махнул рукой. — Напрочь! Теперь там сам черт ничего не разберет! Оцепление мы, конечно, выставим, я уже дал команду. Но не как к месту необъяснимого события или массовой катастрофы, а как к обычному пожарищу, что не должно вызвать ажиотажа и болезненного любопытства прессы. Пойми, я должен сам все обдумать, с тобой, вот поговорить, мнениями обменяться. В Москву не абы кому, а правильным людям доложить, проверенным.

Шестаков внимательно посмотрел на Матвея. Но тот молчал, и Владимир Павлович продолжил:

— Сам подумай, разве это неправильно — подключить компетентных специалистов, экспертов, аналитиков. Генералов, некоторых... А что, там в армии тоже толковые люди есть. Но если о том, с чем мы там столкнулись на самом деле, проводят журналюги, поверь, работать нам не дадут. Они такой тарарам поднимут — шум-гам, споры, теледебаты! На плато толпы понесутся! И кто даст гарантию, что беда не повторится? — Шестаков доверительно наклонился ближе. — Представь: пустим мы всех любопытных туда, и повалязят эти чудища, что будет? Бойня! Даже думать о таком страшно!

— Это да, — согласился Мальков. — Самое непонятное, откуда берутся эти... мутанты. Почему именно там, почему именно сейчас.

— Вот! В правильном направлении думаешь! — Шестаков возбужденно взмахнул руками. — Но ты мыслишь, как ученый, а мне еще думать кто людей от них защитит? Сколько еще бед может случиться? Нет, пока мы не локализуем и не уничтожим источник заразы, неподготовленных людей туда пускать нельзя! Я решил, и мое мнение поддержали на самом высоком уровне — для убедительности указательный палец чиновника показал на потолок — на этот период информацию закрываем для всех! Это ясно? Для всех! Ну ладно, хватит об этом, ты парень понятливый, умный, я же вижу, сам все уже сообразил. Ты лучше расскажи, какие планы? Как устроился? Ты мне номер своего телефона оставь, а то сегодня в твоих поисках полдня провел! Всех отзванивал, пока в полиции не отыскал.

Матвей сокрушенно развел руками.

— Да нет у меня теперь телефона! На плато потерялся. Теперь, похоже, еще и сгорел, — признался Мальков. — И паспорта нет и командировочного удостоверения. Паспорт в полиции, все остальное на плато... сгорело.

— А паспорт, почему в полиции? Почему не возвращают?

— Он там еще с того раза остался, со вчерашнего дня. Или позавчерашнего? У меня от этого калейдоскопа ужаса и недосыпа в голове все перепуталось! Одним словом, как тогда он у них остался, так с тех не отдадут.

— Как это не отдадут? Что значит, не отдадут? Сейчас разберемся. Если паспорт в полиции, то это просто отлично, сейчас все решим. — Шестаков потянулся к тумбочке, взял смартфон. — В каком районе, говоришь? Ах да, в винерском! Это, что опять Волков самоуправствует? Ну-ка, ну-ка, сейчас поговорим с ним.

Глава СБ приложил аппарат к большому мясистому уху.

— Илья Семенович? Да, я. Спасибо. Спасибо. Да уж как-нибудь заеду — куда деться. Скорее всего, задержусь у вас, вы же без мэра остались, придется помогать. А теперь еще и без ВРИО.... Ну да-да, напасть такая приключилась...

Он помолчал, слушая.

— Ты не перебарщивай, полиции на нечисть ссылаться не положено. А вообще я тебе вот по какому поводу звоню. Ты отчего беззаконие творишь? Ты кем себя возомнил? Почему паспорт Малькова задержал?

Снова пауза.

Услышанное заставило Шестакова сдвинуть брови. Лицо потемнело.

— Значит, вы себе жизнь упростили — забрали паспорт, чтобы парень не уехал? А жить ему, где, ты подумал? И на что? Ах, даже так?! Говорите, не ваше это дело? Смотри, как глубоко эта гниль в вас засела! И чего вы потом удивляетесь, что вас люди не любят? Или я не прав? Хочешь сказать — любят? Примеры приведешь народной любви?

Он коротко выслушал ответ, затем прорычал:

— Ну раз так, тогда слушай, подполковник, мою команду! Через двадцать минут паспорт и что вы там еще отобрали, должны быть у меня. Привезешь лично! Лично, понял?

Через короткую паузу продолжил:

— Что? Пробки? А почему я о них должен думать? Добирайся, как хочешь, но соблюдая законность! Ты же не хотел думать, где парню жить? Вот и я не хочу думать, как тебе ехать. И да, у тебя уже осталось девятнадцать минут.

Закончив «строить» Волкова, Владимир Павлович набрал следующий номер.

— Марина? Да. Да. Нет... Я же сказал, нет! Да подожди ты, послушай меня! — рыкнул он в трубку. — Вот тараторка какая, своему начальнику слова сказать не даешь! Да, да, все, слушай, да ценю, ценю, ты лучше слушай давай! Или записывай, так наверняка не перепутаешь. Пишешь? Пиши: Мальков Матвей...

Шестаков вопросительно посмотрел на Матвея.

— Сергеевич, — подсказал Мальков.

— Сергеевич, — повторил в микрофон Владимир Павлович. — Это тот, кому я обязан жизнью! И наши ребята тоже! Относись к нему именно так. Со всеми вытекающими последствиями! — Шестаков отмахнулся от Малькова, протестующе шагнувшего вперед. — Спасая меня, парень оказался здесь в Сочи, без документов, без денег и без жилья. Нет, паспорт только и остался, все остальное сгорело там, на плато. О, молодец, все поняла. Если что, все данные по этому парню я тебе через двадцать минут переishлю. Ты его... Вот и хорошо, что знаешь, молодец, сделай все как надо! Вот! Да, да, правильно! О, точно, про это я забыл, это хорошо, что напонила! Да решил я твой вопрос, решил! Да-да, тот самый! Можешь спать спокойно. Да, ладно свои люди, сочтемся. Что еще? А, это? Нет это потом. Сказал же, все решили. Оформим. Да-да, обязательно все как полагается по закону, оформим! Потом благодарить будешь, сейчас моим делом займись. Что? Как найти?

Шестаков, не отрываясь от трубки, посмотрел на заслоновца.

— Матвей, как тебя найти? Связь есть какая-нибудь? Ах да, ты же говорил. Так стоп, придумал. Все, Марина скажи кадровикам, чтобы никуда не уходили, работа у них будет. Все, я тебе через полчаса перезвоню. А может и раньше. Все, ждите.

Владимир Павлович, скрывая улыбку, посмотрел на Матвея.

— Работать ко мне пойдешь! — заявил он. — Оформим тебя моим помощником.

Мальков, ошеломленный таким напором, удивленно посмотрел на Шестакова. Во взгляде москвича читался вопрос: что значит пойдешь ко мне работать, у него же другая работа есть!

— Чего смотришь, на то время, что ты здесь, оформим тебя ко мне на работу. На сельскую, или как там наши юристы придумают, не важно. Ты пойми, я же знаю, что говорю, тебя

следствие еще не скоро отсюда отпустит, жить на что-то надо же. Вот и оформим официально. По совместительству, помощником или там советником, сейчас Марина с кадровиками решит. Твое пребывание здесь проведем как командировку, вот и жить будет на что. А пока оформляют вот тебе, — Шестаков полез в тумбочку, достал толстый бумажник.

— Не-не не надо! — замахал руками Матвей.

— Молчать! Рот прикрой и слушай старших! Это не подачка, это мне для дела нужно! Мне! Понял? Получишь командировочные, отдашь. А сейчас моему советнику жить где-то надо? Связь мне с ним держать надо? Кушать-пить в конце концов в таком дорогом городе, как Сочи, надо? Ты на себя посмотри, вон в одной кроссовке ходишь! Поверь моему опыту, это плато нас еще не скоро отпустит! Следствие, эксперименты... короче, мы здесь не на один день застряли. Вот потому, бери деньги и не возражай! Запиши мой прямой телефон, как оформишь себе номер... или даже нет, сделаем по-другому. Сейчас твой паспорт привезут, по нему сможешь свой старый номер вернуть?

Мальков утвердительно кивнул.

— Отлично. Вот это первым делом сделаешь. Там же возьми себе телефон. И бери хороший, не экономь, увижу дешевый, ты меня расстроишь, поверь! А расстроенный я тяжелый... Ты теперь мой представитель, тебе абы с чем ходить не положено! Как купишь, сразу звони мне, я зафиксирую твой номер у себя. Появится надежная связь, мне советы твои нужны будут, а тебе мои. Все, иди, сейчас Волков приедет, мне его при тебе строить будет не совсем правильно. Хотя нет, не уходи, еще одно дело забыл.

Шестаков вытащил из бумажника оставшиеся деньги.

— Не смотри так, мне сейчас еще привезут. И карточка у меня с собой, а у тебя ее нет. Бери эти деньги и купи себе одежду приличную, ты теперь мой советник, а в этой, что сейчас на тебе, действительно с бомжом спутать легко.

Мальков опустил глаза на порванные в коленях джинсы и грязную босую ногу.

Стыдоба какая!

— Да мне бы помыться вначале, — растерянно проговорил Матвей, — а то в магазин приличный не пустят.

— Так в чем же дело? Ванная в твоём распоряжении, — Владимир Павлович кивнул на первую из двух дверей на правой стене. — Давай, вперед, не теряй времени. Уже вечер скоро, тебе еще кучу дел нужно сделать.

Матвей, чувствуя, что спорить бесполезно, пошел мыться. Наконец-то. Мысль о горячем душе не покидала его все это время, но то было некогда, то неудобно проситься у дяди Коли, а потом его и вовсе закрутило в водовороте событий.

* * *

Ванная комната оказалась под стать палате — просторная, отделанная светлой плиткой. Сверкающая раковина, джакузи, душевая кабина — достаточно вместительная, чтобы не чувствовать себя стесненным.

Мальков сбросил одежду, пропитанную потом и дымом... Вымыв голову, принялся намыливать торс...

Тело пронзила такая резкая, жгучая боль, что он едва устоял на ногах. В глазах потемнело, руки задрожали, ощущение было как после удара током.

Переждав темноту в глазах, опустил взгляд на источник боли. В самом центре груди виднелся бледно-голубой синяк с небольшой, с ноготь мизинца, едва заметной припухлостью.

Всего-то? Фигня какая! На тренировках и не такие синяки бывали. Но черт, боль — словно в грудь вогнали раскаленный гвоздь.

Ладно, не до травмы сейчас.

Закончив мыться, он глянул в зеркало. Оттуда смотрел осунувшийся незнакомец, лишь смутно напоминающий того парня, что несколько дней назад оформлял командировку в Сочи. Тогда в «Заслоне» посчитали это нереальным везением, знали бы они чем все обернулось.

Мальков с сожалением провел рукой по недельной щетине. Отец, по устоявшейся привычке брился каждый день, постепенно и Матвей втянулся в этот ритм. Представив, какими глазами, посмотрел бы на него старший Мальков, Матвей недовольно хмыкнул. Но наглотать и пользоваться бритвенными принадлежностями Шестакова не решился. С одной стороны не стоило перегибать и без разрешения пользоваться чужими средствами индивидуальной гигиены, с другой его собственная природная брезгливость не позволяла это сделать.

Он взял в руки свою одежду, и его передернуло. Прокопченная, рваная, вся в засохшей крови...

Натягивая джинсы, Мальков вдруг почувствовал в кармане что-то постороннее. Флешка? Нет, она в другом кармане, в пятом, самом маленьком. Телефон? Как он мог там оказаться, он же еще на плато убедился в его потере.

Сунул руку в карман. Это же прибор Карпентера!

Нет, точно высыпаться необходимо, голова совсем работать не хочет! Как он мог забыть о нем? А вдруг этот прибор мог помочь им на плато? Сколько людей могло бы спастись!

Впрочем, прибор ли это? Продолговатое, почти квадратное серо-зеленое устройство не имело ни кнопок, ни индикаторов, ни антенн.

Карпентер врал. Эта штука была герметичным контейнером — вот и весь «прибор».

Мальков попытался открыть устройство и посмотреть, что внутри, но у него ничего не получилось, только ногти обломал. Тогда поискал замаскированный замочек, но и его не обнаружил. Попробовал сдвинуть одну плоскую сторону относительно другой, но ни вправо, ни влево, ни вверх-вниз корпус не поддавался. Даже малейшего люфта не было.

Понимая, что засиделся неприлично долго, Матвей решил разобраться с коробочкой позже. Подавив брезгливость, он быстро оделся, вышел.

И замер на пороге.

Глава СБ спал, что было неудивительно. Восстановление после травм отнимало все силы, немолодому организму требовался отдых.

Стараясь как можно тише ступать, Мальков двинулся к двери.

— Твой паспорт у охраны, — не размыкая век, произнес Владимир Павлович. — Ребята там тебе больничные тапочки нашли. До магазина дойдешь — утилизируешь. Все, иди...

Глава 3

Магазин одежды, к счастью, он оказался неподалеку от больницы. Матвей, как и задумывал, оставил свои обноски в ближайшем мусорном баке. Сразу вспомнился когда-то любимый персонаж книг Ли Чайлда, Джек Ричер. Здоровяк просто покупал новую одежду, переодевался прямо в магазине, а старую выбрасывал. Сегодня Мальков невольно поступил в точности как его бывший кумир.

Следующим и не менее важным пунктом было восстановление «электронной личности».

Новую SIM-карту со старым номером Матвей установил прямо в салоне. Там же, через облачный сервер, загрузил аккаунты и синхронизировал телефонную книгу. Уже собравшись, как и обещал Владимиру Павловичу, позвонить и оставить свой номер, Матвей услышал, как его новый смартфон заверещал серией сигналов. Уведомления о сообщениях и пропущенных вызовах сыпались одно за другим, и телефон на несколько секунд превратился в генератор акустического хаоса.

Он открыл список. Кроме приветствий от оператора — семь пропущенных от Шона, несколько от родителей, парочка от коллег, два — от Игоря Гайворонского.

Ладно, с ними потом. Сначала — Шестакову, нужно поблагодарить человека, без него бы пришлось туго.

Владимир Павлович не ответил.

Спит, наверное. Да и бог с ним, главное отметил, не забыл его просьбу. А теперь можно звонить родителям, затем Игорехе, да и на работе отметить пора. Начальство поди уже весь валидол в аптеке выкупило.

Последним Мальков набрал моазовца.

— Ты где пропасть? — после первого же гудка загредел разговорный динамик смартфона. — Где все? Я колл... Звонить нашим, тебе — никто не отвечает! Вы где все, что происходит?

— А ничего, что сотовая связь на плато не работает? — напомнил Мальков.

— Сотовая? Мобильная? Не работает? — от волнения Кейси вновь стал плохо говорить по-русски. — Ах да, я так и думать! Но я совсем замотался — все из головы! Точно, на плато! Туда же разум... цивилизация не ходила! Не дошла! Слушай, а ты где... сейчас? Ты есть Сочи? Связь есть, выходить ты приехал в Сочи?

— Связь бы работала, даже если бы я был в Москве, — Мальков почувствовал, как у него пересохло в горле. — Но да, я в Сочи.

— И я! — сообщил Кейси. — Я приехал, я ездил в Краснодар. Из-за этой фа... чертовой машины пришлось в Краснодар ехать.

— Это как? — удивился Мальков. — Каким чертом тебя в Краснодар занесло?

— Пришлось! Наш брюссельский механик звонил в страховую, а у МОАЗ в Сочи нет авторизованного сервиса, только в Краснодаре! Они прислали эвакуатор, погрузили машину, чинили... Все время звонил Джону, Джеймсу, тебе — никто! Я уже в Брюссель собирался звонить... А тут ты! Как вы говорить — облажались. Так где ты? Как встретимся?

* * *

Место встречи они с Шоном выбрали в районе знаменитой гостиницы «Жемчужины». Невдалеке, в глубине парка имени Фрунзе, притаился китайский ресторан «Лазурный дракон». Московские знакомые в один голос твердили: чудное место, обязательно к посещению. И как

было устоять, чтобы не совместить красиво с вкусным? Голодный Мальков мысленно уже был там.

Шон опоздал на десять минут, Матвей успел заказать обед и закуски. Они появились одновременно: еда и Кейси.

— Кушать подано, — Мальков вспомнил популярный фильм. — Садись.

— Спасибо. — Кейси довольно улыбнулся. — Можем говорить, или ты будешь ждать конца стейка?

— Считай, что с ним ты уже попрощался, — Заслоновец с сожалением посмотрел на аппетитный кусок говядины. — Извини, Шон, но я реально три дня не ел. Так, что говорить буду, совмещая...

И тут же, вспомнив, о чем собрался рассказать, вздохнул. Мясо подождет. Некрасиво жрать, рассказывая о гибели коллег.

— Что, все так плохо? — моазовец резко посерьезнел. — Там, на плато.

Мальков медленно положил вилку, нож и, набираясь решимости, вздохнул.

— Да, есть такое. Шон, извини, что болтаю всякую ерунду, это нервное. Шон у меня для тебя плохие новости.

— Даже так? — Кейси поднял брови. Бросив взгляд на подошедшего официанта, попросил: — Тогда не тяни... хотя нет, погоди минутку. Я закажу кофе. Тебе заказать?

Мальков посмотрел на удивленного официанта — гости даже не дотронулись до мяса.

— Двойной эспрессо, — буркнул заслоновец.

— Ты нервничаешь, я же вижу. Неужели все так плохо? — спросил Шон, едва официант отошел.

— Еще хуже, чем ты думаешь, — мгновенно посерьезнев, подтвердил Мальков. — Все не просто плохо, все... На плато полный... Конец, короче.

— Говори, — потребовал Кейси. Он, не отрываясь, смотрел на заслоновца. — Я не дожидать тот момент, как ты сказать станешь о деле.

Мальков посмотрел в глаза американца. Казалось, что моазовец пытается читать его как книгу. Судя по тому, что у него снова усилился акцент, волновался и он. Хотя внешне держался хорошо, ничем не проявляя свое состояние.

— Твои друзья погибли, — выдохнул Матвей.

— Плохой шутка, — Кейси скривился. — Говори по делу.

— Я не шучу, — заслоновец покачал головой. — Там на плато все погибли. И ваши, и местные.

— Не пере... — Шон замолчал в поиске подходящего слова, но, не найдя, замахал тонкой ладонью. — Матвей, шутки любить мер. Я не иметь настроения шутить.

Мальков, пожав плечами, развел ладони в стороны.

— Я не шучу. — Матвей тянул время. Он до последнего момента не решил, что говорить американцу, а что нет. Эта чертова секретность, знать бы, где она начинается и где заканчивается. Никто толком ничего не сказал, просьбы и обещания к делу не приложишь, вот написали бы можно то, то и то. А это и это говорить нельзя. А вот об этом и этом и думать позабудь! Тогда совсем другое дело. Сразу наступила бы ясность. На деле же получается, мы ничего не скажем, все сам решай, потом же за это с тебя и спросят!

— Я не знаю, что там произошло, — так и не определившись, он решил говорить только то, что касается самого Кейси и его коллег. — Когда я приехал, все уже было кончено. Там только трупы были. Джеймс, Джон, наши... аборигены. Строители, я имею в виду. Я думал, что это сделали те, кто в день нашего приезда напал на нас, помнишь, вы еще разогнали их.

Кейси, не сводя с Матвея глаз, молча кивнул.

— Я сообщил в полицию, они отправили туда группу, потащили меня с собой.

— Что сказать полиция? Кто это делал?

— Полиция? Не поверили они мне. Вообще ни одному слову. Но помогла твоя информация о нападении потеряшек. Ты же звонил своим? В Брюссель?

— Да, — кивнул Кейси, — звонил. Должен был звонит.

— Вот когда твои позвонили в Москву, а Москва в свою очередь запросила информацию у местных, все завертелось. Полиция туда приехала смотреть... Тьфу, Шон, из-за тебя я тоже начинаю язык ломать! Короче, я сказал, что это сделали потеряшки. Или, как вы говорите, сорвавшиеся. Полиция приехала, но все они тоже погибли.

— Ты уже так говорил. Ты мне сказать, полиций говорит кто это делать?

— Я говорю, полицейские все погибли! Говорить некому! — Матвей резко подался вперед. — Ты меня слушаешь или о чем-то своем думаешь?

Кейси вскинул голову, в его руке застыла вилка с наколотым кусочком сыра.

— Матвей, я, наверное, плохо понимаю твой русский. Кто погиб, наш коллега из полис-офиса?

— И те, и другие.

Шон, все еще держа в поднятой руке вилку с кусочком сыра, прикрыл глаза.

— Я плохо понимаю. Совсем не понимаю... Наш коллега? Что с ним?

— Погибли. — Терпеливо кивнул Матвей.

— Полицией?

— Тоже погибли.

— Как?

— Не знаю. Никто не знает.

— Когда это случается? Ты же сказать... говорить, когда ехал, там уже все... мертвый. А потом ты поехал...

— В полицию. Пошел, ехать не на чем было. — Уточнил Мальков.

— Хорошо, пошел. В полицию, райт? Правильно?

— Да, правильно. Они поехали туда. На плато. И тоже там погибли, понимаешь ты или нет. На второй день погибли! Не в участке, на плато. Шон, не тупи, я уже... Меня третий день трясет от всего этого! Ты хоть душу не трави! Ты здесь сидишь, а я это все видел! Трупы, трупы, трупы... Сука, бесконечное поле трупов! И пожар! А мне никто не верит, всем объяснения подавай!

— А как по-другому? У кого спрашивать? Мне у кого спросить? Ты там был, тебя не спрашивать? — локти Кейси лежали на столе, но раскинутые в удивленном жесте руки едва не сбили подходящего официанта.

Видя, что страсти за столом закипают, тот быстро расставил чашки и удалился.

Кейси внимательно посмотрел на Матвея.

— Ты устал, ты зол, ты не хочешь говорить, а мне как быть? У кого мне спрашивать? Меня тоже будут спрашивать. Там в Брюссель. Очень будут спрашивать. Во всех подробностях, не спрашивая, был я там или нет.

— Ладно, повторю, только не перебивай, ты меня сбиваешь! — Мальков сделал глоток, поморщился.

Бариста здесь ни к черту! Не кофе, а горькая жижа!

— Смотри, мы с тобой расстались. Два дня назад, так?

— Так, — кивнул Шон.

— Я пошел пешком на плато, такси туда ехать отказалось. Пришел ночью. Света нет, только дежурка на вашем «фестивале»....

— Что есть дежурка?

— Ну аварийное освещение. Когда агрегат питания выключен, освещение от аккумулятора идет. Это и называется аварийным.

— Так, — вновь кивнул Кейси.

— Вначале я подумал... короче, это будет долго. Не важно, что подумал, оказалось, все там уже мертвы. Я испугался, честно, говорю, даже не испугался, перепугался. А ладно, это тоже не важно. Короче, прибежал в полицию, мне не поверили и отправили со мной для проверки двух ментов.

— Ментов?

— Полицейских. Так уж повелось... И не перебивай, или мы до вечера тут просидим.

— Ок, молчу.

Матвей быстро изложил лайт версию своих первых суток злключения на плато. Ему не хотелось рассказывать подробности вторых. Тем более Шестаков просил не болтать лишнего.

— Ты не казаться... это звучит... фантастическ?

— Кажется. Ты вообще оху... Ты обалдеешь еще больше, если узнаешь, что и на третий день я туда поехал. С подразделением местного спецназа! И они тоже погибли! И все там сгорело. Пришли потеряшки, такие же, как в наш первый день на плато.

— Да, помнить.

— Только на этот раз их было намного больше. Тысячи. И вооружены они были. Дубинками, камнями. Бешенные! Завели ту технику, что стояла на плато, и стали гонять нас, как вшивых по бане! Кончилось все тем, что пожгли всю технику, перебили взвод спецназа, разбили вертолет и... Короче, мне и всего нескольким бойцам удалось убежать оттуда. А все за нами полыхало! Сгорело.

— Не верить! — Кейси замотал головой. — Сказки!

— Да не верь, мне то что? Только зачем мне врать, сам подумай.

Шон застыл, продолжая держать вилку в руке. Его глаза, скрытые на этот раз голубыми линзами, не отрываясь смотрел на Матвея.

— Да положи ты свою вилку! — взорвался заслоновец. — Или съешь этот чертов сыр! Не верит он! Да мне пох..., веришь ты или нет! С верой в церковь ходить нужно, я же говорю, что видел!

Кейси с удивлением посмотрел на свою руку, застывшую в воздухе.

— Да, правильно, спасибо, — он медленно, почти механически, сунул сыр в рот и начал жевать. Затем выдал:

— Мне я нужно ездить туда.

— Долго думал?

— Что?

— Я говорю, ты долго над этим думал? Там сгорело все. Насколько я знаю, пожар еще не потушен. Да и оцеплено все уже там. Пока ученые все не обследуют, туда никого не пустят.

— Я поеду.

— В добрый путь. Как вернешься, ищи меня в гостинице я буду там.

Шон, не поняв сарказма, поднялся. Махнул официанту.

— Сколько я должен за кофе?

— Я же сказал, сегодня я плачу, — Мальков остановил официанта и добавил: — Только давай договоримся об одном. Кроме тебя и твоего руководства, все, что я тебе сейчас рассказал, никто знать не должен. Местное руководство не хочет паники, потому все держит в секрете. Договорились? За это поделюсь с тобой другой информацией. Сейчас я отправлю тебе на телефон видео с вашего «фестиваля», но только первый фрагмент. Второй файл слишком большой, замучаюсь отправлять. Давай сделаем так, я тебе запишу все на флешку и вечером отдам.

— Видео «фестиваль»? — белое лицо альбиноса покрылось алыми пятнами.

— Да, видеозаписи. Файлы с вашего компьютера. Там результат последней работы твоих коллег. Я думаю, для вас это важно, решил сохранить.

— Ты заходил на наш... радар? «Фестиваль»? — В лице Кейси что-то изменилось. Сейчас это был совсем не тот стареющий шалопай Шон, что вместе с Мальковым куролесил по ночному Адлеру. — Тебя камрад Карпендер разрешай... пустил?

— Камрад? — не понял Матвей. — Карпендера же Джоном звали?

— Он и есть Джон. Камрад, это по-вашему товарищ. Коллег, вы так говорите, — с каменным лицом пояснил Шон. — Но ты говоришь, тебя пустил Джон? Я удивлен...

Матвей скрипнул зубами, тупость американца подтверждала слова юмориста Задорнова.

— Я так не говорил. Шон, включись, мне надоело повторять одно и то же! — заслоновец, положив руки на стол, посмотрел в глаза моазовцу. — Когда я зашел в «фестиваль» Джона к тому времени уже не было. И Джеймса тоже, они к этому времени уже погибли. А ты был хрен знает где, потому спрашивать разрешение было некого, теперь понятно?

— Окей, хорошо, согласен, ты правильно делал. — Шон кивнул и вновь сел за стол. — А ты сам... Ты смотреть?

— Конечно, — не стал скрывать Мальков, — правда не по своей воле, на просмотре настоял бывший ВРИО мэра города. Ему нужно было узнать, что происходит на плато, что вы там делаете и почему работали без его разрешения. А прилетев и увидев скелеты, решил, что должен понять отчего столько людей погибло.

— Мы все делать легаль... закон. — Кейси выставил в сторону Матвея открытую ладонь. — Мы ничего не нарушать. А кто такое ВРИ мэра? Это такая должность?

— Это тот же мэр, только еще не прошедший процедуру назначения, — пояснил Мальков. — ВРИО — это временно исполняющий обязанности. Мэра. Не знаю, откуда он узнал о происшедшем... Стоп, совсем забыл! Ему же из Москвы позвонили, приказали разобраться. После твоего звонка, между прочим! Ты же звонил в Брюссель, своим? Они в свою очередь позвонили в Москву, те сюда и в Винерск. Этот черт... ВРИО прилетел на плато, как в одно место ужаленный! Начал орать, возмущаться, что с ним никто не согласовал работу на плато.

— Нет обман. Мы... Наш босс все получил. Все разрешения. Ваш Президент знать, Премьер знать... Все знать! — Нет обман. Мы... Наш босс все получил. ... Джон говорил, мэр проблем не сделает, он наш... камрад. Он хотел к нему другой день, когда «фестиваль» все будет работать.

— Джон умер... Я это сам видел. Точнее я обнаружил его тело в вашей палатке.

— Кто это делать? — Зрочки Кейси превратились в точку. — Кто убить Джон?

— О боже! — Матвей уже рычал — Шон! Я уже тебе сто раз сказал, я не знаю! И никто не знает, не спрашивай, я сам ничего не понимаю. Они все, кто там был, превратились в мумии. Еще раз говорю, сука, меня уже от этого разговора колотит! Услышь меня! Я говорю только то, что сам видел, но объяснений у меня нет. Там еще куча народа погибла!

— Куча? Много народ? — Кейси наморщил лоб. — Это ты о тех строителя энд менты? Пф-ф, они не есть ценность. Они мусор, брак!

— Ну брак, не брак, они все же люди! — Матвея покорили слова Шона, но он отнес их на то, что приятель сильно расстроен. — И там были не только строители. На следующий день туда приехали полицейские, ВРИО мэра, его люди... Все они тоже погибли. Точно так же, как и в первый день.

— А ты? Ты же нет, не погиб? — Кейси по-прежнему не сводил взгляда с Малькова. — Как получилось?

— Да хрен его знает, как! Сам не знаю! — Матвей отодвинул от себя пустую чашку, которой тут же завладел стоявший поодаль официант. — Сколько об этом думаю, ничего понять не могу! Скорее всего, удивительное везение. А еще есть одна вещь. Это то видео, что я послал тебе на телефон, посмотри. Потом скажешь свое мнение.

Мальков покрутил головой. Вначале, памятуя слова Шестакова, он не хотел говорить Кейси о дольмене, но затем решил, что утаивать видео неправильно. ... Со вторым файлом все

сложнее: его сделал покойный мэр, но на технике МОАЗа. Формально это совместное владение. Первый файл отдавать придется без вопросов. Копии останутся у него — это страховка. Без роликов он не сможет обосновать полиции и ФСБ причину утаивания данных.

— Я не хочу смотреть этот видео! Я хочу ехать туда! — Глаза Кейси вновь сузились.

— Там оцепление, тебя не пустят! — Устало отмахнулся заслоновец. — Я уже тебе говорил, туда не пустят. Да и тебе я туда ехать не советую, поверь — там смерть!

— Ты меня не понял, — Шон наклонился над столом так, что его лицо оказалось в сантиметрах от Матвея. — Я ехать туда! Должно. Должен. Обязать. Немеленный. Работа, я смотреть надо! Сам. С тобой!

— Ну уж нет! — Мальков почувствовал, что уже готов взорваться. — Я туда не поеду! Это не обсуждается! Хватит, наездился, хоронить негде!

— Хоронит? Это ты так шутить? — Поморщился моазовец. — Матвей, надо есдить! Ехат!

— Шон, пойми, там был пожар, там все сгорело! Если хочешь, езжай сам, машина у тебя под жо... машина под тобой, говорю. Желаеть ехать, садись и вперед, дорогу знаешь. Но не советую. Очень не советую!

— Значит, ты нет?

— Нет. И тебе не нужно! Шон, я тебе как другу говорю, не стоит тебе туда ехать!

— Я работа! Моя работа! Дело! — зло сверкнул глазами моазовец. — Я думать, ты тоже должен ехать. Если хочешь работать с нами.

— Да не пустят туда никого! — Матвей почувствовал, что сейчас взорвется и постарался взять себя в руки. — Шон, я устал тебя убеждать, хочешь, пиз... езжай хоть на плато, хоть сразу в Брюссель, мне это не интересно!

Американец покачал головой, его лицо окаменело.

— Служба! Обязать! Я сейчас ехать! Сколько я платить?

— Не нужно платить, я же сказал, я угощаю.

— Окей! Вечер тебе звонить!

Моазовец развернулся и, не оглядываясь, направился к выходу. Прямая спина выдавала окончательное решение.

— Ну и хрен с тобой, черт упрямый! — буркнул Матвей. — Посмотрим, что вечером сказать будешь. Тьфу ты черт, язык с тобой сломаешь!

Заслоновца отвлекла вибрация. Матвей, не привыкший к новому аппарату, не сразу сообразил, что смартфон показывает входящий.

Достал из кармана, посмотрел. Шестаков. Придется ответить.

— Матвей, ты сейчас где? — пророкотало в трубке. Мальков отодвинул смартфон от уха. — Надеюсь, ты в Сочи?

— Да, конечно.

— Поел?

— Почти. Вприглядку.

— Вот и отлично, бери такси и дуй ко мне. Ты мне нужен.

— Понял, Владимир Павлович, уже еду. — Матвей положил смартфон в карман. — Официант, я же счет просил!

* * *

Выйдя из ресторана, он сразу воспользовался заранее заказанным такси. Попросил водителя отвезти его в гостиницу. Шестаков сто процентов поинтересуется, где он остановился, перед тем как ехать к нему, нужно срочно снять номер.

— Не подскажите, какая гостиница у вас считается хорошей? — спросил он у водителя, — пожилого носатого гладковыбритого крепыша.

— У нас много хороших, в последнее время их столько построили, со счета собьешься, — неторопливо ответил таксист. — Есть старые, но дорогие и известные, есть новые, и тоже дорогие. А есть и подешевле, вам какие нужны?

— А куда чаще всего ездят ваши пассажиры, какая самая популярная?

— Раньше все старались попасть в «Жемчужину». Там артисты останавливались, музыканты, но это раньше, лет двадцать назад. А сейчас все хотят в «Шахрезаду». Там самое модное место. Есть, конечно, и подороже, там самые шишки останавливаются. Но молодежь любит эту. «Шахрезаду».

— Раз вы советуете, давайте туда, — махнул рукой Матвей. — Сейчас по интернету закажу номер.

Как Мальков и ожидал, свободные номера были. Правда, чуть дороже, чем он рассчитывал, но теперь деньги имелись, и особо перебирать не хотелось.

Оплатил телефоном со своего счета.

Сидеть на шее Владимира Павловича, и при этом шиковать не по-мужски. Слава богу, проблем с финансами не предвидится. С той зарплатой, что в «Заслоне», да с премиями за каждую реализацию, на безбедную жизнь хватало. Теперь же, когда его телефон с собой, вообще все вопросы снялись сами собой — онлайн-банк в России работал безупречно. Нужно только найти повод и вернуть Шестакову деньги. Лишь бы тот не обиделся.

Оформление заняло совсем немного времени, больше ушло на покупку бритвы в мини-маркете в лобби гостиницы — все же не хотелось возвращаться к Владимиру Павловичу небритым.

В номере, со стандартной кроватью посередине и телевизором на стене, Матвей быстро выложил на небольшой стол все свое нехитрое имущество: паспорт, деньги, флешку и все это время мешавшую коробочку моазовцев. В последнюю очередь достал купленные сегодня бритву, расческу и пару носовых платков.

В ванной комнате — небольшой, но сверкающей белизной и никелированными трубами, наконец, приступил к бритью. Обычно на эту процедуру хватало пяти минут, но сегодня пришлось потратить вдвое больше: слишком сильно отросла щетина за эти дни. Зато теперь можно не стесняться своего внешнего вида.

Посмотрел на стол. Флешку и коробку Карпендера оставить здесь, в гостинице? Он уже сделал шаг к двери, но остановился. Нет, коробку он брать не будет. Вспомнив уроки родителей, спрятал «прибор» в тумбочку — пусть ждет Кейси. Флешку же, наоборот, нужно было прихватить с собой.

Выбежав из холла, он совсем не удивился, что на стоянке его поджидал тот же пожилой таксист. Не его, конкретно, но так уж вышло, что степенный носач вновь оказался его водителем.

— Здесь есть поблизости салон связи? — спросил он у таксиста.

— Есть. Есть старые...

— Мне любой, только хороший, где не обманут. Не ларек, а настоящий сетевой магазин мобильной связи.

— Тогда ближайший будет «Трембита».

— Едем.

— Тогда зачем такси брал? «Трембита» вон там, на этой же улице в следующем квартале. — таксист показал рукой за спину. — Вон там, видишь?

— А мы оттуда дальше поедem, в клинику. Поехали, командир, опаздываю. Не переживай, все заплачу, только давай быстрее.

Таксист, не говоря ни слова, развернулся и подкатил к магазину.

Большой зал «Трембиты» пустовал, в салоне вынужденно бездельничали сразу трое менеджеров. Одной из них была молодая пухленькая невысокая девушка в больших очках, с маленьким курносом и заметной щелью между зубами. Она сразу же обратила внимание на потенциальную жертву в лице нового клиента. Смешно качнув хвостом из редких волос пшеничного цвета, затянутых розовой в полоску резинкой, она быстро приблизилась к Матвею.

— Здравствуйте, я могу быть вам полезной?

«Светлана» — прочитал Матвей на бейджике.

— Здравствуйте, Светлана. Скажите, если я у вас куплю флешку, вы мне разрешите воспользоваться вашим компьютером и скопировать информацию с одной на другую?

Менеджер, на секунду задумавшись, быстро оглянулась на коллег. Те, отпустив клиента, были заняты разговором между собой.

— Вообще-то у нас это не практикуется. — мгновенно покраснев, тихо произнесла девушка.

— Я заплачу, — так же негромко ответил Мальков.

Совсем забыл, что обещал Шону копию.

— Ну, — все еще мялась девушка. — Я...

— Я же говорю, я заплачу. Мне очень нужно. Скажите, сколько я должен?

— Хорошо, сделаю, — смутившись, кивнула Светлана. — Вы выбрали, какую флешку возьмете?

— Да, без разницы. Давайте вот эту. — Матвей ткнул пальцем в витринное стекло. — Хотя нет, давайте с самой большой памятью.

Девушка поискала в ящике.

— Да, вот, есть такая, — менеджер выложила на стол пластиковую упаковку.

— Отлично. А еще я бы хотел приобрести местную SIM-карту. Какую посоветуете? — Мысль пришла спонтанно. Еще входя в магазин, он не планировал этого, но Матвей привык доверять таким импульсам.

— Вы приезжий? — спросила Светлана. — Вам интернет нужен на время?

— А есть разница?

— Конечно. Кому-то нужен пакет с безлимитными звонками и минимумом интернета для почты, другим, наоборот, достаточно десятка минут разговора, но с быстрым интернетом для игр.

— Давайте универсальный. — Попросил Матвей. —

— Значит, вам подойдет вот этот, — девушка достала из стопки одну из упаковок и придвинула ее к Малькову. — Ваш паспорт, пожалуйста.

Матвей положил перед ней деньги, значительно больше стоимости покупки.

— Это за полный пакет с SIM-картой, флешку и копирование. Может, я и перестраховываюсь, но дубликат нужен. И давайте так: компьютер у вас, вижу, не новый, процесс затянется, а вам еще с клиентами работать. Запустите копирование, пожалуйста, а я съезжу по делу и на обратном пути заберу. Хорошо? Заодно скопируйте данные с паспорта, и я поехал.

Глава 4

— Проходите, — один из двух полицейских, дежуривших у двери, сверил паспорт Малькова и козырнул. — Вас ожидают.

Мальков едва сдержал улыбку.

А не хило быть приближенным к власти. Главное — не привыкнуть.

— Разрешите, Владимир Павлович?

— А, Матвей, заходи, ждем тебя! — Шестаков попытался приподняться, но, скривившись от боли, замер.

— Владимир, сколько тебе говорить — лежи и не бери рану! Дай организму восстановиться! — негромким, уверенным баритоном произнес высокий темноволосый мужчина лет сорока. Крупные черты лица, прямой мясистый нос, маленькие глазки под густыми нависающими бровями, пухлые губы. Под тонкой тканью поло угадывалась рельефная, возможно, слегка гипертрофированная, но рабочая мускулатура бойца. Мальков в этом разбирался — «ленточные» мышцы гостя, готовые к долгой нагрузке, разительно отличались от накачанных в зале.

— Так вы, молодой человек, и есть тот самый Матвей Мальков, о котором мне Владимир все уши прожужжал? — продолжил незнакомец, беззастенчиво рассматривая заслоновца. — Ну, чего стоишь, проходи!

— Матвей, не тушуйся, здесь все свои! — Шестаков призывно помахал рукой. — Знакомься, это Виктор Емельянович Порывайко. Его должность...

Глава СБ выжидающе посмотрел на Порывайко. Но тот помогать Шестакову не стал, только едва заметно пожал плечами.

— Скажем, Виктор Емельянович представляет здесь интересы Кремля. — Шестаков многозначительно посмотрел вверх.

Кремля? Если Владимир Павлович считает, что этими словами удивил, то он ошибается. Среди тех, кто тренировался у отца, были и такие, кто мог похвастаться подобными связями. Что связи, если сам руководитель одной из могущественных спецслужб когда-то служил вместе с родителями отцом, а сейчас нет-нет, да заезжает на праздники.

— Ну, здорово, Матвей! — Виктор, не вставая, протянул руку.

Малькову пришлось подойти. Он всегда считал свою кисть большой, но теперь в этом усомнился — его рука словно потерялась в клешне Порывайко. Тот не показывал силы, сжатие было едва ощутимым. Но намек Матвей ощутил.

Вот это лапа! Будто в клешню краба попал!

— Полковник КТО Порывайко, — представился он. — Контртеррористический отдел, слышал о таком? Нет? Ну и правильно. О нас только те, кому положено, знают. Информация только для узкого круга доверенных лиц, куда Владимир Павлович решил тебя ввести. Прошу дальше этих стен мое звание и место службы не распространять.

— Благодарю, но вообще-то я совсем не стремился быть посвященным в чьи-то секреты, мне своих хватает, — заслоновец вскинув голову встретился с изучающим взглядом полковника.

— Не кипишуй, Владимир Павлович о тебе только хорошее рассказывал, да и отца твоего в наших кругах уважают. Потому, ты свой, понял? Кстати, на твоей работе тобой тоже очень довольны, говорят скоро на повышение пойдешь, но тут мы с ними не согласны, такие как ты, и нам могут пригодиться, понимаешь, о чем я говорю?

— Догадываюсь. — Малькову намек не понравился, как и не понравилось такое пристальное внимание спецслужб. — Но восторг не испытываю, предпочту оставаться в науке.

— А ты ершистый, — удивленно заметил Порывайко.

— Это еще что, — вмешался в разговор Владимир Павлович, — Ты бы слышал, как этот засранец требовал от Алексея вырубить меня! Представляешь? Так и сказал, выруби этого миротворца хренова!

— Положим, «хренова» я не говорил, это от себя добавили, — смутился Мальков, но молчать не стал. — А что было делать, если вы уперлись и не давали вас эвакуировать?

— Во! Вот то, что я тебе говорил! — расхохотался Шестаков, показывая рукой на заслоновца. — Посмотри на него, никаких авторитетов, только голый рационализм. Мешает ему замглавы администрации, значит бей его! Как тебе этот молодец? Виктор, что скажешь?

— Так вы же там всеми нами рисковали! Из-за вас никто с плато уйти не мог.

Что-то меня понесло. Нельзя же так! Мог и обойти, не ответить на провокационный вопрос. На шутку реагирую, как закомплексованный школьник. Сказывается напряжение последних дней? Плато еще не отпустило? Детский сад. Нужно успокоиться.

— Ты не прав, Матвей, — вмешался Порывайко. — Владимир Павлович не просто так тянул с эвакуацией. Нельзя было терять позицию. Теперь на весь мир прогремит скандал: дали повод нас кусать! Представь заголовки вражеской прессы: «Русские бродяги при попустительстве полиции разгромили объект МОАЗ». Как нам теперь доверять? Кто будет иметь дела с Россией, если мы на своей земле не хозяева? Ты об этом не подумал? Потеряли технику, людей, престиж!

— Если бы вовремя уехали, потеряли бы только технику, — пробурчал Мальков, понимая, что полковник в чем-то прав. Но не во всем. — Зато людей спасли бы.

— Так, давай с начала. Мы сейчас не с того начали, давай постараемся это исправить, — полковник примирительно вскинул руки и заслоновец вновь подивился размером его ладоней. Будто тот две лопаты выставил!

— Вот это правильно! — вставил Шестаков. — Здесь все свои, чего нам собачиться?

— Присаживайся. — Порывайко легким движением развернул стул и кивком указал Матвею. — Мне Владимир такие страсти порассказал, впору фильмы снимать!

Заслоновец не стал спорить, придвинул второй стул по другую сторону кровати так, чтобы оказаться лицом одновременно и к главе СБ, и к его гостю. Молча посмотрел на Шестакова, тот ободряюще улыбнулся.

— Уже устроился? — спросил он. — Номер в гостинице снял? В какой?

— Да, спасибо. — заслоновец, почувствовав, что зря так налетел на еду пока ждал такси в «Лазурном драконе». — Остановился в «Шахрезаде».

— Хороший выбор, знаю это место, — одобрил Владимир Павлович. — Поел?

— Да, спасибо. И кажется, перестарался. С голодухи налетел... Придется тренировками компенсировать.

— Это правильно, — усмехнулся Шестаков. — Матвей, у меня просьба, отнесись к ней серьезно. Виктор — мой старый друг, доверенный и проверенный. Я ему многим обязан. Нам обоим необходимо разобраться в том, что произошло на плато. Я прошу: расскажи все, что знаешь. Подчеркиваю: все! Не только то, что видел, но и то, что думаешь. Случай нерядовой, необычного и непонятного там столько, что разбираться придется долго. Помогите нам.

Вот черт, знал бы что столько раз придется пересказывать одну и ту же историю, на диктофон надиктовал бы — подумал Мальков, не тая разочарованного вздоха. — О проклятом плато даже думать не хочется, не то, что говорить. Но и отказать Владимиру Павловичу будет некрасиво. Нормальный он мужик, человечный.

Пришлось повторить рассказ. На этот раз он был подробнее, чем в полиции, но Мальков умолчал о флешке с записями радаров и своих выводах.

Надо получше спрятать чертову флешку, таскать ее с собой обременительно. Хорошо, что сейчас она у Светланы из «Трембиты», девчонка не опасна. Но если о ней узнают здесь... Решено: о флешке пока ни слова.

* * *

— Матвей, ты нам больше ничего рассказать не хочешь? — спросил Виктор Емельянович, едва заслоновец закончил повествование. — Подумай хорошо, ведь есть что-то еще. Вот ты же был там видел все своими глазами, что-то же чувствовал? Предполагал. Опасался чего-то. Прикинь, может есть какие-то мысли, идеи. А? Подумай, ведь там не все так просто, как кажется?

Мальков поднял голову и наткнулся на пристальный взгляд Порывайко. Вздыхнул, ну вот, и этот туда же!

— Если честно, все это время я не очень хорошо себя чувствовал, потому многое могло ускользнуть от моего внимания. Сделал глупость, купил у одной бабки пирожки, отчего потом проблевался и прос... Короче, отравление было очень мощным, я эти дни словно на автомате был. Злой и нервный. Потому и предложил Алексею вырубить вас, Владимир Павлович. Извините меня, пожалуйста, зря я так!

— Проехали, — отмахнулся Шестаков, — тогда там все такие были! Ты лучше ответь на вопрос Виктора Емельяновича, может еще, что-нибудь необычное вспомнишь?

— Владимир Павлович, мне уже столько раз пришлось повторять одно и то же, я уже скоро наизусть буду читать. Ну не помню я! Там столько всего произошло, что как начинаю вспоминать, так в глазах все мельтешить начинает! Перекошенные лица потеряшек, иссушенные тела, окровавленные морды монстров!

— Матвей, ну хватит уже рефлексировать! Ты же боец! Все, кто о тебе говорят, отмечают, настоящий воин, что ты сейчас так остро реагируешь? Да было, погибли люди. Да, судя по всему, вы столкнулись там с чем-то пока не изученным и непонятным! Так давай же вместе разбираться, что и как на вас напало! С чем вы сражались! Это же важно! Как нам, так и тебе самому! Неужели такие простые вещи нужно тебе разьяснять? — Виктор Емельянович энергично развел руками, будто веслами. Отчего по лицу Малькова пробежал легкий освежающий ветерок.

— Матвей, что скажешь? Ну ведь прав же Виктор, нужно разбираться во всем! Хотя бы, чтобы больше никто не погиб. — Владимир Павлович посмотрел на заслоновца. — Я там двадцати минут мирного времени не провел, получается, только ты можешь пролить свет на то, с чего все началось. Пойми, ты единственный, кто обладает всей... Нет, не всей, конечно, но наиболее полной информацией по событиям на плато.

— Мое мнение? Да как я могу знать, откуда эти твари взялись? Не обижайтесь, — Мальков исподлобья посмотрел на кремлевца, от него не укрылось, что Порывайко и Шестаков обменялись быстрыми взглядами, — но они чем-то на вас похожи, такие же здоровенные! Только у вас шейный капюшон из мышечной массы, а у них плечи сразу в башку переходят. А так, габариты у вас один в один. Даже грудная клетка такая же мощная!

— Это ты меня так к мутантам отнес? — брови полковника взлетели вверх. — Ну, прям глаз-алмаз! Спасибо, обрадовал!

— Зато вам так понятнее будет. И еще, не знаю, пригодится это вам или нет. Стрелять в грудь этим тварям бесполезно. Автоматный патрон из АК— 4112 их не берет. Прямо на моих глазах одному из них очередь в упор прилетела. Кровь брызжет, шкуру рвет, но под ней костяной каркас такой, что его не пробить. Ребра вот такие! — Мальков показал пальцами толщину увиденного ребра плоскоголового.

— Бронированные, что ли? — Порывайко испытующе посмотрел на заслоновца.

— Виктор, клянусь, сам бы не увидел, не поверил! — Поддержал Малькова Шестаков. — Огромные, когти — как лезвия! Машину, как консервную банку вскрывают! И Матвей прав, в этих уродов стреляют, они падают и тут же поднимаются! И прут, как танки! Не прошибаемые!

— Нет-нет, Владимир Павлович, не все так грустно! Нашел я у них слабое место — это голова. Я уже говорил, у них она большая, без шеи переходящая в плечи. Из-за этого они чем-то на акул смахивают. Такие же плоскоголовые, не морда, а одна сплошная, во всю ширь пасть с маленькими глазками. Но если стрелять сюда, — Матвей показал себе на ухо. — Там у них бородавочные наросты и щели вместо ушей. Как будто ракушки плоские прилепили. Да и ушами это назвать сложно, просто плоская бородавка с щелью посередине. Когда открывается, видна белесая перламутровая пленка. Вот если пулей туда попасть, башка разлетается на раз! Тоже из личного опыта говорю!

— Вот, совсем другое дело, уже хоть что-то! Можешь же, если хочешь! — Виктор Емельянович снова взмахнул рукой. — Сколько их было, заметил?

— Всех трудно было заметить, там все в дыму было. Потеряшки разлили солярку, подожгли. Да я вам уже это все рассказывал! Владимир Павлович тоже наверняка все, что видел, рассказал. Или Алексей с Николаем. Они люди военные, сто процентов приметили больше меня.

— Их тоже спросим, их время придет, — кивнул Порывайко. — Матвей, посуди сам, Сочи город чей? Кто здесь отдыхает? — Указательный палец размером с руку младенца указал вверх. — Сообразил? Это его город, и мы обязаны сделать все, чтобы тут была безопасность.

— А в других городах, монстрам значит, можно разгуливать? — с невинным видом спросил Мальков.

— И в других нельзя. — Полковник сделал вид, что не заметил фронды заслоновца. — Но я потому тебя так подробно расспрашиваю, чтобы такого безобразия ни в Сочи, ни в других городах не происходило! И ты обязан нам в этом помочь! Понимаешь?

— Гранатомет дадите? — поинтересовался Мальков, злясь на самого себя. Ну на кой он бесит этого полковника?

— Значит, на контакт идти не хочешь? — Виктор Емельянович жестко сощурился. — Есть, что еще сказать?

Мальков отрицательно замотал головой.

— Ладно, с монстрами разберемся. Хотя, как с ними разбираться, когда вот такие вот помощнички-молчуны из которых каждое слово клещами тащить приходится.

— А, вот еще вспомнил, — вдруг в теле от макушки до пяток пронесся импульс боли. Кольнуло так, что Мальков вздрогнул и прищурил правый глаз, — совсем из головы вылетело, сейчас плохо соображаю после всего.

— Ну это-то понятно, по твоему описанию об этом догадаться несложно. А вот почему ты сейчас так отреагировал? — насторожился Порывайко. — Тебя аж перекосило отчего-то.

Маленькие глаза полковника стали шире, в поисках ответа он повернулся к Шестакову.

— Да в голове что-то стрельнуло, — отмахнулся Мальков, стараясь не терять нить мысли. — Я вот подумал, а как амфибии могли оказаться в горах? Возле моря я еще понимаю, но что им делать на плато? Им же океан необходим, или хотя бы море, а там даже лужи хорошей нет! Две речушки глубиной по пояс и то в дождливое время.

Шестаков и Порывайко переглянулись.

— Хорошо соображаешь! И вопрос правильный — откуда двусредным там взяться? Там даже озера нет! И речушки, летом воробьям по яйца! — полковник ухмыльнулся, но глаза оставались серьезными.

— Вы же просили, говорить, что видел и что думаю. Вот, что видел, то и говорю! — заслоновец от нетерпения закончить разговор, едва не скрипел зубами. Голова стала болеть все сильнее.

— Нет-нет, все нормально, никаких претензий! У нас дружеская дискуссия, это я так, можно сказать, мысль вслух. Не будем на этом фиксироваться. — Виктор Емельянович задумчиво потер ладонь о ладонь. — Ладно, к этому вернемся потом, а сейчас подумай, может еще что вспомнишь? Вот, смотри, вот ты захотел помочь, подумал, сразу очень важную информацию выдал! Молодец! Ну ведь можешь же! Давай, не расслабляйся, вспоминай еще!

— Еще, — вдруг вспомнил Мальков. — Гибель сержанта Жукова... его сердце, вырванное монстром. — Не знаю, поверите или нет, но кажется, эти твари людоеды.

— В смысле? — на лбу Виктора Емельяновича собрались морщины.

— В смысле, что каннибалы они. Я видел, как один из них вырвал у человека сердце и съел его! А потом еще был момент...

— Съел, говоришь? — Порывайко наклонил голову вперед, так, что его лицо почти вплотную приблизилось к лицу. — Во время боя?

— Да, он это делал, глядя мне в глаза!

— И ты это видел? — уточнил полковник, недоверчиво скривив рот. — Сам видел? Или рассказал кто?

— Сам. Вот как сейчас вас, но только на приличном расстоянии. — намекнул Мальков слишком приблизившемуся полковнику. — Метров семь-восемь. Максимум десять.

— А ты сам как спасся? — лицо Порывайко стало настолько близко, что Матвей почувствовал неприятный запах из его рта. — Он что смотрел на тебя и жрал? И все?

— Нет, он потом бросился на меня, но мне удалось его застрелить! Вот почему я знаю, что стрелять нужно в ухо!

— А стрелял из чего?

— АК— 4112.

— Где взял?

— Я же уже объяснял! Там на траве валялся!

— Что, прямо так и валялся?

— Ну я же говорю, я когда... Там еще один монстр был, поменьше, он не успел таким, как все стать, у него только часть тела изменилась. И часть лица. Морды. Он хотел меня ударить, его сержант Жуков расстрелял. А я откатился и на автомат наткнулся.

— А второго монстра, почему сержант не убил? Почему не стрелял?

— Он стрелял, но в грудь, у этого черта только кожа разрывалась, а внутри сплошная кость! Как панцирь! Я же рассказывал уже, ребра вот как панцирь! Ну или не совсем как панцирь, это мне тогда так показалось, я их анатомию не знаю. Тогда я только белые с синевой кости видел. В крови! Вот от этих костей пули отлетали!

— И что, по-твоему, выходит, ты по этой твари стреляешь, а он в это время спокойно жрет твоего сержанта? — саркастически ухмыльнулся Порывайко. — Какой-то броненосец получается от груди пули отлетают, ему в ухо стреляют, а он сержанту сердце вырывает и ест. Матвей, я понимаю твоё желание помочь, понимаю, что в горячке боя еще не то может привидиться, но с каннибалами перебор. Такое бывает, я знаю.

— Да какой перебор? Я в тот момент еще не стрелял, меня словно заклинило! — Матвей не заметил, как перешел на крик. Эти вопросы с подтекстом его достали.

Как еще объяснить, что для него самого загадка отчего он тогда не стрелял. — Не знаю почему, но я нажимал на спуск, а палец не двигался! Рука, как не моя стала! Точнее, я ее вообще не чувствовал!

— Матвей, Матвей, остановись! Все! Все уже позади, ты среди своих! Мы друзья, мы не враги тебе! — Шестаков поспешил вмешаться в разгорающийся конфликт. — Никто тебя

не обвиняет, мы совещаемся, обсуждаем. Кто-то выдвигает теорию, другие ее стараются опровергнуть, это нормально. У меня вот другой вопрос, поделись соображениями. Ты же парень наблюдательный, скажи, по-твоему, те американцы, что на плато Ягеля свою установку разворачивают, имеют отношение ко всем этим событиям?

Малькова словно холодной водой окатили! Весь запал мгновенно испарился, как его и не было! Вопрос, что ни в бровь, то в глаз! И не задай его Шестаков, а кто-то другой, Матвей бы ни за что не ответил.

— Я думаю, да, — выдавил он из себя. — Не спрашивайте, с чего я взял. У меня только ощущения, фактов нет, потому сказать ничего не могу. Да и как может быть иначе, если до их появления ничего такого не было?

— Не скажи, люди исчезали и до их приезда. — покачал головой Владимир Павлович. — Это не афишировали...

— Матвей прав, — Порывайко перебил Шестакова. — До появления МОАЗ на плато, никаких мумий не было. В первый раз и мумии и монстры появились только сейчас, то есть после появления на плато моазовцев. Это факт, согласись! Так, хорошо, поехали дальше. Матвей, еще есть чем поделиться?

— Нет. Это все, — кивнул Мальков и тут же скривился, тело на резкое движение вновь отреагировало так, что на миг он видел одну темень.

— Это точно? — с подозрением спросил Виктор Емельянович.

— Точно. Я могу идти?

— Нет! Есть еще кое-что. Я ждал, когда ты сам скажешь, но раз молчишь... Подполковник Сенцов доложил, что среди вещей, изъятых у тебя в полиции и возвращенных после освобождения, была флешка, — полковник повернулся к Шестакову. — Представляешь, этот идиот буквально понял указание «Мальков — свой» и даже не проверил содержимое.

— Что за флешка, Матвей? — Глава СБ края настороженно посмотрел на Малькова.

— Владимир Павлович, вы же сами меня посылали за ней! Там. На плато! — заслоновец мысленно возблагодарил себя за ту ложь, которую преподнес вчера Шестакову. — Помните, когда вы решили включить «фестиваль», нам ключ на флешке понадобился и вы сказали, чтобы я ее в «вирусе» взял. Я тогда сбегал, принес, но в это время потеряшки напали и включить не получилось.

— Да-да, точно, было такое, — лицо Владимира Павловича разгладилось. — Вот что ты, Виктор, вечно всех подозреваешь? Действительно парень прав, там как это... защита особая стоит, без ключа на этой флешке станция не работает.

Порывайко исподлобья посмотрел на Малькова.

— Где флешка, я хочу, чтобы мои ребята посмотрели, что на ней.

— Это имущество МОАЗ...

— Тем более! — Полковник, требуя флешку, протянул раскрытую ладонь.

— Вы недослушали, — сохраняя невозмутимость, Мальков криво ухмыльнулся и посмотрел на ладонь Порывайко. Затем встретился с ним взглядом. — Повторяю, флешка является собственностью МОАЗ...

— Плевать мне на твой МОАЗ! — Виктор Емельянович требовательно встряхнул ладонью. — Флешку!

Мальков демонстративно развернулся к Шестакову

— Владимир Павлович, объясните своему невменяемому товарищу, что я час назад вернул собственность владельцу. Флешка у Шона.

— Что?! — зарычал полковник. — Что ты сделал?

— Я не удивлюсь, если окажется, что ваши сотрудники следили за мной, но если даже нет, то можете послать кого-нибудь из них в ресторан «Лазурный дракон». Покажите им фото, они вам подтвердят, что я обедал вместе с американским подданным, сотрудником МОАЗ Шоном

Кейси. Шон, выслушав мой рассказ — как я и обещал вам, Владимир Павлович, информация была усеченная, — был ошарашен. И это понятно. Шокированный гибелью коллег, Кейси решил самостоятельно убедиться в моем рассказе. Он, наверное, сейчас уже на дороге к плато.

— Его туда не пустят! — рыкнул Виктор Емельянович. — Да что там смотреть, все сгорело.

— Тем не менее, Шон потребовал ключ от радара и мне пришлось ему его отдать. Если у вас такая необходимость в ключе, сделайте запрос в МОАЗ. Может, они предоставят доступ к своим кодам.

— Ах ты... ты... Я не верю! — Порывайко сжал кулаки. — Ты все врешь! Она у тебя!

— Виктор! — возмущенно закричал Шестаков. — Прекрати! Как ты можешь...

— Так, мне это надоело! — Мальков подошел к кровати главы СБ и демонстративно вывернул карманы.

Как же здорово, что моазовский контейнер остался в гостинице! Не подвела чуйка!

— Матвей! — резко выкрикнул Шестаков. — Матвей, прекрати!

Но заслоновца было не остановить, на кураже он вытряхнул все — на легкое покрывало посыпались купюры, что несколькими часами ему дал Владимир Павлович, носовой платок, расческа и упаковка жевательной резинки, купленная в ларьке у входа в клинику. Последним из нагрудного кармана рубашки Матвей достал паспорт.

— Обувь снимать? — язвительно спросил он у Порывайко. — Если нет, то здесь все.

В подтверждение своих слов, Мальков демонстративно вывернул передние карманы джинсов. Повернулся, показывая, что в задних у него пусто.

— Матвей! Виктор! Вы что... Вы зачем... вот зачем вы все это устроили?

— До свидания, Владимир Павлович, я пошел. — Матвей схватил паспорт и, засовывая его в карман, направился к двери. — Извините за эту сцену, не я ее начал.

— Матвей, стой! Стой я сказал! — полетело заслоновцу вслед. — Не смей уходить! Виктор, верни его!

Мальков уже почти дотронулся до дверной ручки, когда тяжелая рука легла на его плечо. Следующим движением заслоновца развернуло. Перед ним стоял полковник.

— Хорошо, я был не прав, извини, — произнес он, глядя в глаза Малькову. От этого взгляда Матвея словно стегануло холодным ветром. — Но то, что ты сделал, что отдал флешку моазовцам, величайшая глупость!

— Матвей, сейчас же подойди и заberi все это! — Шестаков гневным кивком указал на деньги, оставленные Мальковым на кровати. — И не смей больше так делать! Если Виктор и перегнул палку, это не повод оскорблять меня. Считаешь его виноватым? Можешь... хоть врезать ему, мне и самому порой хочется! Но не смей, повторяю, не смей так относиться ко мне!

— Извините, Владимир Павлович, был не прав, — заслоновец быстро рассовал вещи по карманам. — Если не возражаете, я пойду. Голова разболелась.

— Да, конечно, иди, — согласился Шестаков. — И извини за эту сцену, так не должно было случиться.

— До свидания, Владимир Павлович. К вам у меня претензий нет. И вы меня тоже извините.

Матвей направился к двери, но вновь был остановлен полковником.

— Подожди. Еще не все. — Порывайко достал из папки распечатанный бланк, протянул Малькову. — Это подписка о неразглашении. Подписывай.

— Зачем? — опешил заслоновец.

— Подписывай, Матвей, — подал голос Владимир Павлович. — Так надо, поверь. Тебе по должности положено такую подписку давать. Тебе еще допуск оформлять придется, но это потом, когда я на ноги встану.

Мальков быстро пробежал глазами по документу. Затем взял из протянутой руки полковника дорогую авторучку, подписал.

— Все? Могу быть свободен?

— Матвей, не бузи, — Шестаков попытался сгладить конфликт. — Ты не представляешь, какой шум поднялся. МОАЗ бомбардирует Кремль звонками, шлет протесты и ноты. Все летит к нам. В основном — к нему, — Шестаков кивнул на полковника. — А тут еще эти «придурки» по стране бродят, от них здесь не продохнуть.

— Владимир! — подал голос Порывайко. — Для этой информации у парня еще нет допуска.

— Хорошо, я вас понял, — кивнул Матвей. — Я могу идти?

Шестаков посмотрел на Виктора Емельяновича. Тот, тяжело вздохнув, кивнул и махнул рукой.

— Ступай, Матвей. Я на тебя рассчитываю, не подведи, — Владимир Павлович, довольный исходом разговора, покачал головой. — Отдыхай, но будь на связи, пожалуйста.

* * *

Миновав пост у палаты Шестакова, Матвей сделал несколько шагов и остановился. В голову пришла мысль, что прямо сейчас не стоило ехать в салон связи. А вдруг полковник приказал следить за ним. А что, вполне возможно. Что ж, тогда самым лучшим будет проведать остальных спасенных с плато. Повернувшись к охраннику, что недавно проверял его документы, спросил:

— Не подскажите, в каких палатах искать телохранителей Владимира Павловича и раненых омовцев?

Полицейские переглянулись. На их лицах читалось недоумение.

— С Владимиром Павловичем привезли только двоих. Они в девяносто восьмой, дальше по коридору, — растерянно сообщил второй полицейский. — Больше никого не было.

Мальков кивнул, решив, что охрана не в курсе деталей.

— Благодарю.

Девяносто восьмая палата оказалась куда проще «губернаторского люкса». Две кровати, стандартные приборы, телевизор поменьше, холодильник проще. Балкона не полагалось.

— Матвей? — обрадованно узнал Алексей.

Телохранитель, несмотря на прохладу, был в одних плавках. Грудь и правая рука находились в марлевом коконе. Ноги также были забинтованы: правая — от колена до паха, на левой фиксирован голеностоп.

Второй пациент лежал с полностью забинтованной головой. К его рукам, лежащим поверх простыни, тянулись провода и капельницы. Что это Николай, Мальков понял лишь по заботливому взгляду Алексея, который попытался привстать, приветствуя гостя.

— Не поднимайся, не нужно! — заслоновец коснулся свободного от бинтов левого плеча телохранителя. — Я на минуту. Как вы? Может, что-нибудь принести

— Спасибо, что зашел, — Алексей искренне обрадовался. — Честно, не ждал. И не парься, все у нас есть: шеф распорядился, ребята из службы подогнали. Все в порядке, спасибо.

— Тяжко? — Мальков кивнул на забинтованную грудь.

— У меня ерунда, скоро заживет. В основном слабость от кровопотери. А вот Кольке досталось. Ему еще делают анализы: тварь вырвала кусок мяса на бедре. Врачам нельзя говорить правду, пришлось врать, что напал медведь. Теперь боятся инфекции, колют от бешенства. Здесь это называют «ставить». Не знаешь, может, так и надо, а может, все это хрень, и нам уже не помочь. Инфекция есть инфекция. Короче, я присматриваю за ним, врачи — за нами. Хорошо, что шеф вступился, иначе нас хотели разместить в специзляторе.

— В специзольаторе? Зачем? Они что, думают, это заразно? Сдурели? Или... они всерьез считают, что это зомби? — возмутился заслоновец. — Идиоты! Придурки конченные! Американского кино насмотрелись?

— Я им то же самое говорю, — Алексей посмотрел на неподвижного товарища. — Коля под препаратами, кажется, со снотворным. Мне не говорят, боятся, что я им головы поотрываю. И оторву, если они Кольке навредят.

Последние слова телохранитель произнес нарочито громко, чтобы его могли слышать в коридоре.

— Охренеть, реально дурдом! — покачал головой Мальков. — А омоновцы? Там же еще двое парней было.

— Вот они — в специзольаторе. Эти перепуганные идиоты их там держат. Представляешь? Парней приказом загнали на плато, они не знали, с чем столкнутся! Чудом и твоей помощью выжили, а их — в изолятор! Перестраховщики чертовы... — Лицо Алексея, ослабленное вспышкой гнева, покрылось потом.

— Уроды!

— Ладно, не будем об этом. Врачей тоже можно понять: они там не были, не знают причин травм. Привозят искусанных людей, следы зубов не совпадают ни с одним известным существом. Что делать? О природе повреждений молчат, с врачей взяли подписку. Они перепугались, подняли шум, позвонили в Москву. А там бюрократы еще хуже. Любой на их месте так бы поступил. Кому отвечать, если инфекция вырвется в город?

— В первую очередь медикам! — согласился Матвей.

— Вот они и страхуются. Нас Владимир Павлович отстоял: он видел, кто напал. А так бы и мы туда угодили. Тебя тоже искали, но Шестаков устроил такой скандал, что про тебя забыли. Ребята из ОМОНа местные, за них заступиться некому, вот и сидят в специзольаторе.

— А Шестаков что?

— Да что он сделает? В Москве все на нервах. Боятся эпидемии. Брюссель тоже давит, но пока решают тихо, чтобы не поднимать шум. Хотя нашим кровь портят всю. Там тоже не дураки: если журналисты прознают о плато, начнется такой вой, что мало не покажется никому. Тебя, кстати, тоже прессовать пытались? ФСБ или полиция?

— Не-не, ничего такого не было. Видно, Шестаков не дал. Он там какого-то полковника подтянул. Здорового такого, — поделился заслоновец. — Порывайко, слышал о таком?

— А, спецпредставитель Президента. Знаю, мощная фигура. Тогда благодари его: ты на свободе только благодаря ему. Здесь ему никто не перечит. Хорошо, что он на нашей стороне. Для местных он тяжелая артиллерия, да и в Москве вес имеет. Человек регулярно общается с самим Президентом!

Голос Алексея слабел. Пора было уходить.

— Ладно, Леша, тебе нужно отдыхать, а я болтаю. Пойду я. Вызывдоравливайте. Если что нужно — звони, — Мальков поискал, куда записать номер, но не нашел. — Продиктуешь свой?

Алексей продиктовал. Мальков ввел номер в свой смартфон, нажал кнопку вызова. В тумбочке телохранителя заиграла мелодия «Боже царя храни».

— Теперь у тебя есть мой номер, звони, если что. — Матвей показал на тумбочку и сбросил вызов. — Сохрани в контактах. Все, я пошел. Не стесняйтесь, звоните, привезу, что попросите. Коле передавай привет, когда очнется. Я еще зайду.

— Благодарю, что пришел, реально тронут, — признался Алексей. — Ты всех нас спас, даже не представляю, что с нами было бы, если бы ты нас там оставил. Натурально сожрали бы! Или выжали, как Гуревича. Даже не знаю, что хуже! Считаю меня и Коляна своими должниками.

— Забудь.

Матвей вышел, в душе клокотал гнев, но на кого конкретно, он не знал.

На Шестакова? За что? Владимир Павлович и так делает все, что может. На Порывайко, так Алексей прямо сказал, что Мальков на свободе и не сидит в специзоляторе, только благодаря его, Виктора Емельяновича заступничеству. И на кого он тогда злится? Вот почему в нашей стране всегда так, винить некого, а верные долгу покалеченные ребята — под замком! Как спасибо, за исполненный долг.

Нет, все же нужно звонить Шестакову!

— Владимир Павлович, извините, это опять я.

— Да, Матвей, слушаю, вспомнил что?

— Ага, вспомнил. Вспомнил, как твари на нас нападали, как отбивались от них. А еще вспомнил, что мы с вами там оказались сами по собственной инициативе, по работе, по долгу. А вот ребята, омовцы, вообще ничего не знали, их привели туда...

— Все, можешь не продолжать, знаю, о чем дальше скажешь. И пока ты не наговорил глупостей, а у тебя я вижу это запросто, сообщу, я этим занимаюсь! И Виктор, которого ты так невзлюбил, тоже! Зря ты так с ним. Он хороший мужик, наш, настоящий. Ладно, о парнях не беспокойся, повторяю — я занимаюсь. А что не забыл о них, молодец, правильное дело, мужской поступок. Все, иди, мне жена звонит, ответить нужно, а то у нее характер как у тебя, чуть-что, и за сковородку!

Мальков растерянно посмотрел на погасший дисплей смартфона.

Это что сейчас было? Его похвалили или, как мальчишке неразумному по щам надавали? Скорее и так, и так вышло! Силен Владимир Павлович, ох силен! И приглубил, и отилепал так, что и ответить, не ответишь, а урок усвоишь. Ну да ладно, в следующий раз думать нужно больше, прежде чем за трубку хвататься.

Глава 5

Матвей проснулся от звонка смартфона. Черт, почему не выключил звук? Он взглянул на экран: Кейси. Кто же еще? Это неугомонное недоразумение по имени Шон явно не собиралось давать ему выспаться.

— Матвей, ты где.

— В номере.

— А номер где?

— В «Шахрезаде».

— Хорошо хотел?

— Чего хотел?... А, понял: отель. Да, хотел хорошо, мне нравится. А ты где? Ты же на плато должен быть?

— Представь, ты был прав! Не дали! Не пустили! Там полиция... милитари... файер... огонь.

— Пожар.

— Да-да, пожар! Уже нет, но с соседней горы видно. А на плато не пускают!

— Ух ты, да неужели?

— Да, так есть! Весь как ты и сказать. Дым, столб! Виден далеко! Матвей, я смотреть и гонять твоё видео нашим в Брюссель. Они интересовались, сильно интересовались! Они спрашивать: есть ещё видео?

— Я же говорил: есть. Но объём большой, передавать долго. Я всё на флешку скинул.

— Перфект... Отлично, ты молодец! Но зачем мне сразу не давал?

— Да ты как наскипидаренный на плато понёсся. Мне же нужно было найти флешку для тебя, найти, где переписать. Это всё время, а ты его не дал, тебе на плато нужно было посмотреть.

— Зачем тебе переписывать? — насторожился Кейси. — Тебе зачем... наше видео? Наша информация должна быть только у нас.

— Ваша? Что же она не у вас, если он ваша? Поехал бы на плато, записал. А та, что у меня, моя! Я её с риском для жизни добыл и вывез! И нужна она мне, чтобы на работе отчитаться. У меня тоже руководство имеется. Я радар потерял, мне оправдаться надо? Вот я и собираю то, что сможет помочь.

— А кто... что там?

— Приедешь, увидишь. — Мальков с ужасом представил, как объясняет туповатому альбиносу свои мысли.

Мальков с ужасом представил, как будет втолковывать свои догадки туповатому альбиносу. *Замучаюсь объяснять*, — мелькнула усталая мысль. — *Нет, пусть сами смотрят и сами делают выводы. Мое дело — отдать флешку. А свои соображения это уже личное. Ну, почти личное.*

— Окей, скоро буду... приеду. Позвоню, потом встретимся, и ты отдашь видео. Хорошо?

— Хорошо. Поужинаем вместе. В гостинице ресторан неплохой. Нужно было нам не у дяди Коли ночевать, а сразу сюда ехать.

* * *

Ресторан «Шахрезада» занимал два нижних этажа гостиничной башни. В отличие от жилых уровней, они имели форму полукольца, отделяя внутренний парк с кортами и бассейном от шумной магистрали.

Ресторан был огромным, с высокими потолками и двухуровневыми окнами. Основной зал находился внизу и вмещал до двухсот гостей. Для тех, кто предпочитал уединение, на втором ярусе, над кухней и гардеробом, стояли отдельные кабинки.

Когда Матвей спустился около девяти, Шон уже сидел в зале. Заметив заслоновца, он нетерпеливо замахал руками, приглашая к столу.

— Принес? — спросил американец, едва Матвей присел. — Может, сейчас копировать? Переписать?

Матвей сдержанно улыбнулся.

— Принес, — он достал флешку из кармана. — Не нужно копировать. Это тебе подарок.

— Что? — не сводя глаз с накопителя, спросил Кейси. — Ты мне ее отдать? Совсем?

— Совсем.

Матвей протянул флешку, моазовец быстро зажал ее в кулаке.

— Спасибо... Благодарю! — Кейси быстро огляделся и, наклонившись к Матвею, доверительно прошептал: — Там, дома, видео очень заинтересовало биг босса... Руководство решить усилить мою группу. Еще двое коллег прилетят сегодня ночью.

— Поздравляю, растешь! Теперь, наверное, большим начальником станешь! — Мальков жестом подозвал официанта.

Матвей еще не проголодался после обеда, но тело требовало разрядки: музыки, общения. А больше всего его грызла тайна серо-зеленого контейнера. Сегодня он решил ее раскрыть.

— Виски пьешь? — спросил он у Шона. — Я сегодня хочу отдохнуть, будем гулять!

— Гулять? А, понял, девки, водка и баня?

— Нет, сегодня без бани, сегодня будем здесь... отдыхать. — Матвей повернулся к подошедшему официанту. — Уважаемый, виски есть?

— Конечно, может принести карту вин?

— Несите.

— Сделаем. Закусывать чем будете?

— Сделайте нам нарезку.

— Мясную?

— И рыбную тоже. Овощи помойте и нарежьте, салат не нужно делать, не люблю.

— Может сыр?

— Да, точно, сырную тоже давайте. Да и еще фрукты. — Матвей повернулся к американцу. — Шон, ты закусывать чем будешь?

— Не знать, скажи сам... свой вкус. — Беспечно махнул рукой моазовец. — Мне понравилось в том... Короче, сам говори, я все буду, что ты брать себе.

— Тогда все. — Матвей пожал плечами. — А, забыл, еще воду и лед. Все запомнил?

— Конечно! Сейчас все сделаем, — официант, улыбнувшись, удалился.

— Лук... Смотри, здесь много женщин, — заметил Шон, — ты прав, нам тогда нужно сразу сюда ездить.

— Да кто же знал, — флегматично ответил Матвей, также заинтересованно оглядывая местную публику. — Ты же сам отказался, тебе нужно было машину охранять, вот мы и зависли в Адлере. Конечно, сюда надо было ехать. Ты лучше скажи, отчего нервничаешь так?

— Нервничать? — удивился моазовец. — С чего так решил?

— А ты, когда нервничаешь начинаешь хуже говорить по-русски. — Улыбнулся Мальков.

Кейси едва заметно нахмурился.

— Вот как? Не заметил. Не замечал. Но, возможно, ты прав, — признался Шон, чуть помедлив. — У нас все сейчас нервничать. Коллеги погибли, теперь вот новые сотрудники приедет. У нас там не все думают одинаково, есть кто думает так, а есть кто думает не так. Плохо думает. Те, кто приедет, думает не так. Они друзья Джона, а мы с ним не так. Мы сильно не так. Но ты не думай, я не хотел, что они погибать.

Официант вернулся быстро: принес карту вин, принялся расставлять тарелки.

Желая соскочить с неприятной темы Кейси схватил буклет, быстро нашел желаемое.

— О, вот этот! — Шон ткнул пальцем в буклет с фотографиями напитков.

Официант уважительно кивнул.

— Сейчас принесу! Пара минут.

— Бутылку! — добавил Мальков, проверяя реакцию Кейси. Но моазовец не возражал и, не дождавшись других указаний, официант пошел исполнять волю клиентов.

Официант вернулся менее чем через пять минут с бутылкой «Джонни Уокер» с черной этикеткой.

Серьезно! — покачал головой Матвей, беря квадратную бутылку в руки. — Хороший виски. А отчего шотландский, я думал ты, как американец, «Бурбон» любишь.

— Это зачем... почему? — Искренне удивился Кейси. — «Бурбон» нужен любитель, мне он твердый... Жесткий. А «Блек лейбл» хорошо. Его... делать собирать сорок сорт виски! А почему ты считать, я должен любить «Бурбон»?

— Потому, что ты американец, а все американцы обязаны любить «Бурбон». Вы же считаете, что мы все должны пить водку.

— Ты уже выпил? — спросил Шон, кивая официанту, чтобы тот наполнил стаканчики льдом.

— В смысле?

— У нас считать, русские любят говорить о политик, только когда хорошо пить.

— Стереотипы, — отмахнулся Мальков, затем внимательней посмотрел на Кейси. До него дошел смысл слов американца. — Все, признаю, уел! Один — один! Шон, открой секрет, тогда на плато, когда на нас напали психи, вы их еще сорвавшимися называете, как вы разогнали их? Они вчера вновь напали на нас, нам бы очень пригодились знания, как их разгонять.

Кейси сразу посерьезнел. Повертел вилку в руках.

— Я же отдал тебе флешку, а мог вообще не упоминать о ней, — напомнил Матвей.

— Окей, ты прав. Скажу. У Карпентера был прибор, нужно пресс баттон... жать кнопки...

— Шон, там не было кнопок.

Кейси внимательно посмотрел на собеседника. Мальков, в ожидании ответа приподнял бровь.

— Я понимаю, ты взять этот... эту штук?

Кожа американца на лице, шее, руках — покраснела. Пальцы задрожали. Совсем немного, почти незаметно. Но Мальков заметил — домашняя школа.

— Он есть у тебя?

— Что это Шон?

— Он у тебя?

— Я задал вопрос.

Кейси вздохнул, аккуратно положил вилку.

— Ай кэн... Я могу считать... никто не знает? Это тайна. Я рассчитывать могу, ты не говорить никому? — нервно озираясь, спросил моазовец. — Так?

Матвей кивнул, но на краю сознания мелькнула ехидная мыслишка: — *А не хило Шона пробило, вон опять русский почти забыл!*

— Хорошо. Онли... твой сидеть молча. Нет вопрос, нет говорить, только сидеть молча. Окей?

— Окей, не тяни. Начинай.

— Помнить, ты... там, на пляж, удивляться что я так молодой? Анд Джон, анд Джеймс? Мальков кивнул.

— Когда я был как твой... лет. Твой возраст. Нет, старше. Двадцать лет назад. Тогда весь... все люди лечили себя «Авиценн». Такой препарат. Эликсир. Все болезнь лечит. Слышал такой? Папа, мама не рассказывать? Они не лечились такой?

— Нет, не слышал. Я знаю в старые времена был такой врач, а про эликсир... Нет, не слышал.

— «Авиценна» лечить всех! Старый молодой, больной, здоровый, всех. Все болезни, онколог, старый... старость! Сердце, ливе... печень, глаза, все! Человек молодеть сразу. На глаз... на глазах! «Авиценн» стал самый важный средств. А весь потому, что основным... состав... нет... Главный компонент «Авиценн», есть нанороботы.

— Что? Нанороботы? — Мальков смотрел на него, как на сумасшедшего. — Погоди, так ты о тех, штуках, что в фантастических фильмах, называют нанитами? Да это же фантастика! Сказка.

— Не сказка, нет. Фильм... да есть Голливуд... есть сай фай фильм! Но это другой дело. «Авиценн» есть существовать реал. В настоящий деле.

— А почему сейчас о ней ничего не знают? Об «Авиценне»? Хотя правильно говорить о нем, Авиценна был мужчина, гениальный врач...

— Нет-нет, та «Авиценна», что говорю я, не мужчина, это лекарство. Лучшее лекарство, что было когда-то!

— И что, где она сейчас? Эта «Авиценна»? Почему сейчас ее не применяют? Куда она делась?

Моазовец ответил не сразу. Длинным пальцем поправил строгую параллельность приборов на столе, затем, что-то решив для себя, вскинул голову. Встретился взглядом с Матвеем.

— Это был большой беда. Большой... долгий стори. И плохой... Нет, трагичный. Ты должен понимать, наноботы, это — Кейси сложил пальцы обеих рук щепотью и постучал ими друг по другу, — ассембли сборк атом.

— Да, я в курсе, это сборка из нескольких атомов.

— Да-да, нескольких атом! — Кейси кивнул. — А если туда еще несколько атом с другим характеристик, то получится примитивный аппарат, робот. Эти робот, в организме можно учить собирать вместе, получать рой. А рой уже можно программировать!

— Да, я слышал о таком. Сейчас управление роем роботов одна из самых актуальных задач программирования. — согласился Матвей.

— Да, так. В «Авиценн» есть... был завод. В Москве. ФАЗМО назывался. Там программ... учить сам собираться в рой. Рой лечить человек. Морщин, есть, — Шон сжал салфетку, так, чтобы на ней образовалась морщинка, затем растянул и морщинка исчезла. — Морщин нет. Глаз — Кейси потряс рукой перед своим лицом, — пленка есть? «Авиценна» и пленка нет! Сердц инфаркт... рубейц есть... скарм...

— Шрам, — подсказал Мальков.

— Шрам, есть, «Авиценна» укол и сердце через четыре недель здоров. Абсолютно, как у астронавта.

— Здорово! — Удивился Матвей. — И куда это все делось? Почему сейчас не применяется?

— Все сложно говорить, — Кейси посмотрел на Матвея. — Не все можно говорить. Не мой тайна, я бы тебе говорить. Тогда пришел бед. Несчастья. Трагедий. Погиб тот, который приносил... доставлял... составлял жидкость. Завод в Москве, где делать «Авиценн» ломать!

Взорвали. Раствор нет. «Авиценн» стал мало, потом она кончать... исчезать совсем. Умирать люди, которые... помогать другим стать сильным. Сам Тейвик... Он... погиб, а с ним систем контрол... управления, коррект человек не стало. Стало некто... некому.

— Рейдеры, что ли наехали? — Поинтересовался заслоновец. — Братва решила бизнес отжать?

— Матвей, стоп! Дальше нельзя говорить! Забудь, что я говорить. Я нет, я не имей полномочий... право говорить. Я свяжусь с Брюссель, буду говорить тебе. О тебе. Я им уже один раз сказать, они сказать, думать будут. Они разрешат, все узнаешь. Тогда.

— Странно все это. Если такое лекарство сильное, что даже инфаркт лечит...

— Оно все лечит, онколог, волос, — Шон провел указательным пальцем левой руки по стриженной голове. — Белый, седой есть, раз и нет, свой цвет.

— Ерунда какая-то! Если такое средство, что лечит все, то почему его сейчас нет? Ну наехали на фирму, разворовали завод, можно же в другом месте производить?

— Никто знай, как делать, «Авиценна»! Кто знай, убит! Погиб! Никто больше не умеет делать. Был запас большой, его не находить. Много искать, но нет нигде. А у кого был малый запас, он кончатся. Наноробот, долго не жить, умирать. А кто не умирать, тем тоже плохо. Люди становиться сорвавшимися.

— Сорвавшиеся? — Опешил Мальков. — Ты говоришь, сорвавшиеся? Как те, на плато?

— Как те, на плато! — Согласился Кейси. — Понимаешь, те наноробот, они маленький, энергий... нет много, долго держать память нет сил. Конструкция не имей. Не позволяй. Поэтому были способ поддержать таких людей. Специальная программа для того. Для корректирования программ в других людях. В наноботах, что в человеке. Всем было хорошо, все молодеть. Не болеть. Человек стал много работать, у него стал много денег, стал хорошо кушать. А потом был большой трагедий. Наших коллег убили, ФАЗМО взорвали и «Авиценны» не стало. И программы корректора не стало. На нас открыли охот, нас уничтожали, а люди...кто получил лечение, остались без коррекции.

— Вас? Уничтожать? Кто?

— Был один таким. Такой. Рыков. Набрал таких как сам ассасин... убийца и устроил резню по всей мир. Мы долго прятались, кто выжить. Потом он исчез. Никто не знай куда. Просто один раз, — Шон дунул на сжатые в щепоть пальцы и раскрыл их. — Пуф, испарится! Нау уже многих лет, как о нем ничего не знать. А люди, кто лечился «Авиценной», стали болеть. Не все, но много. Есть, кто не стал портиться, но многий потерял систем коммуникаций и их нельзя контрол, нельзя лечить. Они получиться сорвавшийся.

— Так я правильно понял, эти безумцы или, как здесь говорят, потеряшки, это и есть сорвавшиеся? — Матвей уже все понял, но не желая верить, решил уточнить. — Они и есть те, кто потерял программу коррекции?

— Именно так. Те кто лост... потер программ интерфейс коммуникаций.

— Охренеть можно! А ведь похоже, что не врешь! Так это, получается, действительно не болезнь? То есть, конечно, болезнь, но не эпидемия, не передается заразой. Получается, это... люди с «Авиценной» внутри, но со сбившейся программой? Так вот, что имел в виду Джон, когда говорил, что сорвавшиеся не зомби.

— Да правильно. Эпидемий, это когда заражать другой. От меня к тебе. От тебя другой. А это, когда у человек... людей разрушен центр контроля. Интерфейс дестройд... разрушен. Распрограмм... Распрограммирована... Я не знать, как сказать...

— Программа слетела.

— Наверное.

— Но там, на плато, ими же управляли! Кто-то привел же их туда?

— Да! Это есть тайна... загадка! Я думать, у них есть... остаток... Остались опен... открыт интерфейс. Не у всех, но многие. — Шон покрутил головой, сглотнул слюну. — Мы... Джон

тот, кто есть умений... кто сохранять слабый контрол... Ультрасоник. Мы есть литл немножко воздействовать их звук... ультразвук.

— Ультразвуком?

— Да-да, ультразвук. Мы делать это не все. Некоторых не слышать нас. Мы мало мочь... не многие контрол... управлять. Стронг эмосий, страх... и все. Тогда на плато, так и быть. Я все сказать. Теперь ты делать.

Кейси выразительно протянул руку.

— Погоди, Шон, еще момент. — Матвей в свою очередь выставили руку ладонью вперед.

— Я же видел, там на плато, в основном кричал Джон, вы с Джеймсом только стояли рядом и приседали. Почему?

— У нас всех разный умений... талант. Способность разный. Карпентер сильный воздействием. Он во многом был строг... сильный. — Кадык альбиноса пошел вверх, затем вниз. — Мы, кто остались, все в одном или двух... умений сильны.

— А ты в чем? — Тут же спросил Мальков.

— Я? Я считаю хорошо. Я анализ. Небыстрый, потом думай-думай-думай! Вспоминай все-все и снова думай! Днем думай, ночью думай. И хоп, есть решение. Умей проблем решай... А еще я умей маска... Как это вы говорить? Вот, я хороший актер. Мимикрий. Мимик. Все, теперь ты отдаешь мне бокс?

— Мим? — Матвей не расслышал из-за заигравших музыкантов. — Так ты мим? Вот это здорово! Покажи, что-нибудь?

— Матвей, это несерьезно! — Кейси мотнул головой. — Я иметь способность не для играть. Для дел.

— Да ладно тебе. покажи что-нибудь!

— Нет, Матвей, здесь нельзя. И мне боль, это не так простым дело. Это менять лицо, это очень больно. Ты хочешь, чтобы я страдал?

— Нет-нет, не надо. Если вопрос стоит таким образом, то тогда не стоит. — Мальков выставил руки в «мозговском» жесте.

— Тогда дай мне мой бокс!

— А что в нем?

— Матвей, ты меня разочаровать. Я тебе столько всего говорить, ты должен был понять, там «Авиценн». Смол сток. Мелкий запас. Для форс мажор. ЧП, как вы говорить. Рана. Травм большой. — Кейси показав на сгиб руки, сделал движение, будто делает укол. — Я ор... или Джон, Джемс.

— НЗ? Неприкосновенный запас на случай ранения. Аптечка?

— Да, ты есть прав, это лечить нас в случае тяжелый травма. Там три средств — мое, Джона и Джеймса. Для меня загадка, почему Карпентер там плато это не сделал... не применить.

— Не успел, наверное, — Матвей вспомнил, как быстро лишались жизни те, кого касалась невидимая волна, прекрасно понимал — у мозговцев не было ни единого шанса, что с «Авиценной», что без нее.

— Наверное, — согласился Кейси. — Получается, лечение не пригодился.

— Не пригодилось — Машинально поправил Мальков, доставая контейнер. — Забирай. И покажи, как открыть, а то я все ногти обломал, но не смог.

Шон мгновенно смел с ладони серо-зеленую коробочку. Оглядевшись и убедившись, что на них никто не смотрит, пояснил:

— Тут стоит сильный магнит. Он держит защелку. И нужно сделать так...

Сжав контейнер с обеих сторон, мозговец большим пальцем отщелкнул крышку. В гнездах из плотного эластичного материала лежали три больших стеклянных шприца с прозрачной субстанцией.

Глаза моазовца заблестели, губы растянулись в счастливой улыбке. Довольно кивнув, он закрыл крышку и спрятал коробку в карман.

— Хитро, — оценил заслоновец. — Теперь все кажется так просто, а я голову себе чуть не сломал.

— Матвей, я тебе очень... очень спасибо! Благодарен. И, пожалуйста, не надо знать другим это твой одолжений. И наш разговор тоже. Я буду очень благодарить!

— Я же сказал, — отмахнулся Мальков, — это ваши дела, я к ним ни с какого боку. Скажи, Шон, а почему они такие... старые, что ли? Такое впечатление, как из прошлого века! Сейчас так не упаковывают, сейчас все одноразовое.

— Они и ест старый, из старых запасов. Ты прав, нау... сейчас такие уже не делают. Но бояться не нужно, с лекарством все окей, можешь мне верить. Иглы закрыт герметиком, сверху тоже герметик. Эластичный.

— Если можно, еще вопрос. — Мальков пальцем ткнул в сторону кармана, куда Кейси сунул бокс. — Я правильно понял, помощью этой «Авиценны» можно вылечить и сорвавшихся тоже?

Кейси сокрушенно развел руками.

— Сожалеть, но нет. Много раз пробовать, но нет. Важный людей пробовать, сильно важный, бат нет, не получатся. Я сам пробовать лечить. Очень... очень важный персон. Много-много денег. Миллиарды. Но нет. Нужна... Да ничего уже им не поможет.

Мальков, в раздумьях потянулся к бутылке. Напиваться он сегодня не планировал, но услышанное требовало прочистить мозги.

— Будешь? — предложил он Кейси.

Шон, думая, что Матвей не видит, как он поглаживает в кармане контейнер, улыбнулся.

— Обязательно будешь! Немного.

Но выпить им не удалось. Пока не удалось.

— Смотри, да вот же они! — донесся до них радостный вопль. — А я думаю, куда они делись! Приезжал, искал, хотел к себе пригласить, а они здесь спрятались! Думаете в Сочи от меня сможете спрятаться?

Глава 6

Матвей и Шон обернулись на голос. К их столику, широко раскинув руки, шел крепко сбитый невысокий мужчина. Ветерок от кондиционера взъерошил его редкие седые волосы.

— Мурман! — искренне обрадовался Матвей. *Вот кого не хватало его измотанной душе.*
— Как хорошо, что ты появился!

— Что, думали я вас не найду? — засмеявшись, сочинец протянул гостям города обе руки. — Как наш именинник поживает? Все еще отмечаете? Это по-нашему! Смотрите только, много пить нельзя! Сопьетесь. Недельку отмечайте и достаточно! Но и меньше нельзя, вспомнить будет нечего!

Мальков, принимая объятия, встал. Кейси, слегка ошарашенный и немного напуганный, машинально последовал его примеру.

— Здравствуй, дорогой, — Мурман хлопнул Малькова по плечам, затем повернулся к Кейси. — А я помню, тебя Шон зовут! Правильно сделал, что не уехал в свою Америку! У нас здесь лучше! Будете моими гостями, сейчас еще ребята подойдут, посидим, выпьем, отдохнем! Вы же не против? А если против — никуда не денетесь, все равно останетесь! Это ваш стол?

Мурман взялся рукой за спинку свободного стула.

— Да, конечно, раз здесь сидите, — сочинец искрил радостным предвкушением сюрприза: его друзья придут, а здесь старые знакомые!

Матвей украдкой взглянул на Шона. Американец, ошеломленный кавказским темпераментом Мурмана, хлопал глазами. Интересно, смог бы мозовец отказать напористому сочинцу?

— Мурман, сегодня же не пятница? Нет? Значит, ваше правило не работает, и сегодня угощаю я! Присаживайся, от души прошу! Всегда рад видеть тебя и твоих друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.